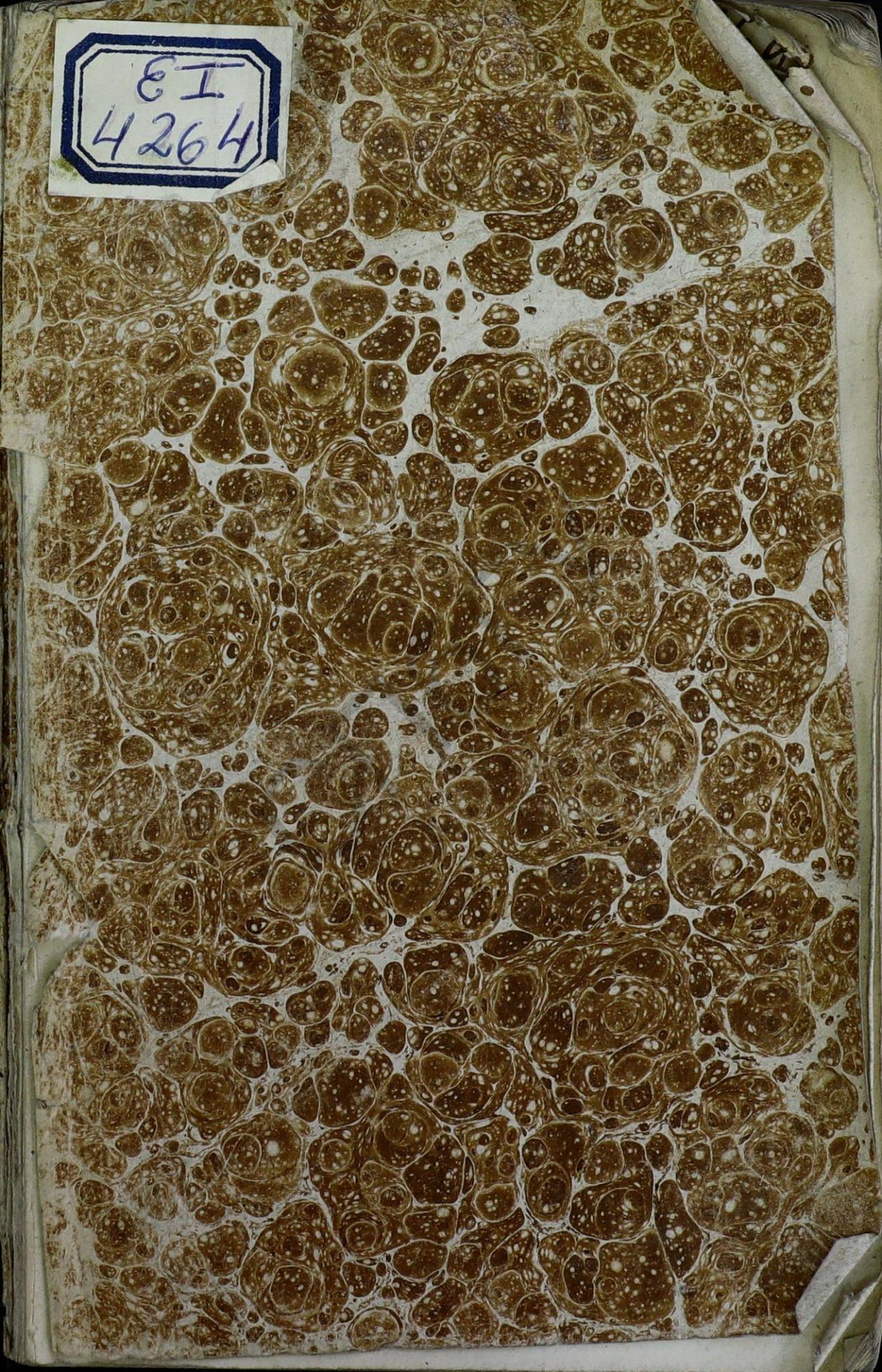

E I
4264

С 1767

Е I 4264

164.

На дом
не выдается

0

РОМАНТИЧЕСКОЙ

П О Э З И И.

О П Ы Т Ъ

ВЪ ТРЕХЪ СТАТЬЯХЪ

5782

Сочинение Ореста Сомова,

Члена ВЫСОЧАЙШЕ ушвержденного
Вольнаго Общества Любителей Россій-
ской Словесности, и Вольнаго Общества
Любителей Словесности, Наукъ и Худо-
жествъ.

Перев. 1950

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорскаго Воспи-
шательнаго Дома 1845 года

Ун-т.
Научная
библиотека им.
Горького

О

РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ.

СТАТЬЯ I.

Воображеніе, усыпающее цвѣлами
тернисшій путь нашей жизни, есть са-
мая прихотливая способность души че-
ловѣческой. Оно скучаетъ однообразіемъ,
ищетъ всегда новаго и тогда только
вполнѣ наслаждается, когда находитъ
нѣчто дополъ ему незнакомое. Часто
мы видимъ людей, которые подвер-
гаются опасностямъ въ дальнихъ и
трудныхъ путешествіяхъ, для того
только, чтобы увидѣть что-нибудь но-
вое, или прежде ими невиданное; еще ча-
ще случается намъ встрѣчать шакихъ,
которые, по образу ихъ воспитанія, бо-

ясь мертвецовъ и привидѣній, съ жадносною слушающею повѣсти о сихъ спрашилищахъ, хотя волосы у нихъ спановятся дѣломъ оныхъ такихъ разсказовъ. Но нигдѣ воображеніе не показываетъ сколько своеволья, какъ въ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ. Здѣсь оно рѣшительно опметаетъ все обыкновенное, желаетъ и пребудетъ только новаго, небывалаго. Не слѣдуя за нимъ по всей области сихъ искусствъ, обратимъ вниманіе нашихъ читателей на самое обширнѣйшее и богатѣйшее изъ всѣхъ — на Поэзію.

Гдѣ болѣе разнообразія, какъ не въ Спихотворствѣ? По формамъ своимъ, оно раздѣляется на четыре главные рода (Эпическій, Лирический, Драмащическій и Дидакщическій); но сколько подраздѣленій въ каждомъ изъ сихъ родовъ, сколько измѣненій, опшѣнокъ въ каждомъ подраздѣленіи! Казалось бы, гдѣ болѣе пищи, даже роскоши для воображенія? Но крылатое и своевольное, оно пролетѣло уже весь сей рядъ подраздѣленій, измѣненій и опшѣнокъ, оно пресышилось уже

ихъ впечатлѣніями — и наскучило ими. Новой пищи, новыхъ наслажденій оно потребуешь — и обвиняешь Поэзію классическую въ шѣсношѣ ея предѣловъ.

Не должно однакожь въ семь случаѣхъ спорого судишь воображеніе. *Изящныя*, или *свободныя* искусства, имъ и для него созданныя, пересшающъ бышь *свободными*, когда ихъ шѣсняшъ ярмомъ правилъ условныхъ. Въ природѣ нравственной и физической — многое нравишя безусловно. Часпо мы не можемъ дашь себѣ опчеша, по чему шакое лицо, или шакое мѣстоположеніе привлекаешъ, и можно сказашь приковываешъ наши взоры? — Эша безусловная прелешъ еще болѣе ошущишельна въ Поэзіи. Мы плѣнены, очарованы стихошвореніемъ, которое, при спорогомъ разборѣ, предспавляешъ намъ явное нарушеніе многихъ правилъ, шребуемыхъ приверженцами Поэзіи классической. Чшо же составляешъ эшу безусловную прелешъ Поэзіи? — Вопросъ зашруднишельный; но почемужь не попышашься ошвѣчашъ на него? Мнѣ кажешся, чшо сія прелешъ состоишъ въ но-

воспи, неожиданности мыслей, картинъ,
 положеній драматическихъ и выражений,
 которыми Поэтъ шѣмъ сильнѣе пора-
 жаетъ наше воображеніе, чѣмъ менѣе мы
 были къ нимъ приготовлены. Въ Поэзіи
 классической, принимая ее въ шомъ смы-
 слѣ, какъ Французы ее разумѣють, мы
 почти напередъ угадываемъ, какія по-
 собія употребитъ Стихотворецъ, что-
 бы насъ *разтрогать*, или *убѣдить*. По се-
 му впечатлѣнію, ею производимыя, сколь-
 зяшъ на нашемъ воображеніи, не оспав-
 ляя по себѣ слѣдовъ глубокихъ, ибо они
 подчинены холодной критикѣ ума, съ ко-
 которою мы слѣдуемъ за Писателемъ, буд-
 то подглядывая, шакъ ли онъ выполнилъ
 свое намѣреніе, какъ желалъ, или какъ
 мы были въ правѣ ошъ него ожидашь?
 Поэзія не Архитектура, гдѣ спрогой гла-
 зомѣръ съ точностию повѣряетъ всѣ со-
 вершенства и погрѣшности симетріи.
 Измѣряя масштабомъ и циркулемъ каж-
 дый стихъ, каждое выраженіе, каждый
 порывъ Генія — мы опдадимъ шолько
 холодную дань удивленія шому, кто вы-
 полнилъ всѣ условія, требуемыя правила-

ми Аристопелевскими; но сей чистый восторгъ, сіе быстрое пламя огня небеснаго — духъ Поэзіи, никогда насъ не согрѣешь и не вознесешь душу нашу въ снрану очарованій, въ міръ духовный!

Справно, что Французы, одаренные пламеннымъ воображеніемъ и страсные къ свободѣ, подчинились въ искусствахъ рабскимъ условіямъ, и счишаютъ ошсупленіе ошъ нихъ за дерзкое нарушеніе идеальной красоты и совершенства. Причина шому, можешь быть, что у сего народа правила предшествовали образцамъ. Съ шѣхъ поръ, какъ Буало издалъ свой стихотворный Кодексъ для Стихотворцевъ, всякой школьникъ счищаетъ себя въ правѣ судить и рядить по оному. Въ живописи хотя вкусъ Французовъ и извнялся, но всегда была у нихъ какая-нибудь ограничивающая черта, за которую никто не смѣлъ перешушить, — и Геній долженъ былъ или дремать, или слѣпо брести путемъ дарованій обыкновенныхъ. Песпрята картины школы Лебрёновой, спашуйныя положенія тѣла и слишкомъ вынужден-

ныя дѣйствія свѣта и тѣни въ карпинахъ новѣйшей ихъ школы — суть явныя тому доказательства. Тоже самое было и есть съ ихъ музыкой: сами они смѣются реву и крику большой своей Оперы, и не перестаютъ ревети и кричать (*), потому что это увѣковѣчено *давностью*. Но какой-то неизъяснимой игрѣ Природы, Французы, непостоянные во многихъ другихъ отношеніяхъ, постоянны именно въ тѣхъ предметахъ, которые болѣе всего требуютъ новоси и разнообразія.

Еще спрашивается, что до преобразова- Французскаго языка, въ самыхъ Стихотвореніяхъ Трубадуровъ Провансальскихъ, мы не находимъ той смѣлости, той свѣжести мыслей и выраженій, которыхъ бы можно ожидать отъ вѣковъ Рыцарскихъ и отъ языка, болѣе способнаго къ Стихотворству, нежели нынѣшній Французскій, и незаключенному въ столь тѣсныя границы. Изъ множества стихо-

(*) C'est la vache qui galoppe, говорилъ Ж. Ж. Руссо о Французской музыкѣ.

швореній того времени, приводимыхъ Ренуаромъ въ его книгѣ: *Des Troubadours & des Cours d'Amour*, мы видимъ, что почти всѣ они сходны между собою, почти всѣ посвящены любви и вздохамъ. Въ нихъ видно чувство, но мало воображенія, мало Поэзіи. Удивительно, что близкое сосѣдство Мавровъ, которыхъ Поэзія блистала всеми роскошными красками Востока, не имѣло ни какого вліянія на Стихотворство Трубадуровъ и не отразилось въ ихъ произведеніяхъ. Переведемъ одно изъ нихъ, чтобы дать нашимъ читателямъ понятіе о Французской Поэзіи среднихъ вѣковъ. Это Стихотвореніе Гарень-лѣ Брѣна (*Garins le Brun*), отличающагося отъ другихъ своею замысловатостію.

„*Разсудокъ* ласково и крошко гово-
 „ рить мнѣ, чтобы я въ поступкахъ мо-
 „ ихъ слѣдовалъ правиламъ благоразумія;
 „ *Глупость* пропившися шому, увѣряя,
 „ что если я слишкомъ положусь на ея
 „ соперника, то никогда ничего не выи-
 „ граю.

„*Разсудокъ* преподашь мнѣ шакіе уро-
 „ки, кошорымъ слѣдуя, могу избѣгнушь
 „ошъ пошеръ, заблужденій, спрасши къ
 „игрѣ и многихъ заботъ. Если я чего
 „пламенно желаю, шо могу ушайшь, или
 „вовсе изшребишь мое желаніе.

„*Глупость* ошнимаешь у меня раз-
 „сужденіе и говоришь, что я не долженъ
 „излишнею спрососнью къ самому себѣ,
 „неволишь мою волю; что еесли я поль-
 „зуюсь случаемъ, не моя въ шомъ вина.

„*Разсудокъ* мнѣ совѣшуешь не при-
 „лѣпляшь къ женщинамъ, не пылашь
 „къ нимъ любовью; и когда я прилѣп-
 „люсь къ одной, шо долженъ выбрашь
 „осмошришельно и благоразумно; ибо ес-
 „ли буду влюбляшь въ каждую, шо
 „скоро погибну.

„*Глупость* налагаешь на меня дру-
 „гой законъ; она хочешь, чтошбъ я ошдал-
 „ся ласкамъ и привѣшамъ, какъ спрасшь
 „мнѣ совѣшуешь; ибо если я не буду на-
 „слаждашь удовольствіями, кошорыя
 „ошъ меня зависяшь, — шо лучше за-
 „ключишь въ кельѣ.

„*Разсудокъ* говоришь мнѣ: не будь

„скупъ, не мучь себя, накопляя богатства; не разпочай на безразсудные дары шо, что имѣешь. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ я раздавалъ все, что вздумаешся, къ чему бы послужила такая щедрость?

„*Глупость* увиваешся около меня и дергая за носъ, говоришь: другъ! завшра, можешь бышь, ты умрешь; а когда тебя положушь въ могилу, тогда на что тебѣ богатства? Разпочай ихъ по своимъ прихопямъ!

„*Разсудокъ* тихо и ласково швердишь мнѣ, чтобъ я наслаждался жизнью не спѣша и умѣренно; а *Глупость* говоришь: къ чему? Спѣши, наслаждайся, сколько можешь; роковая минуша приближается.“

Эшо Поэзія ума, а не сердца и воображенія. Здѣсь мы видимъ правильность мыслей, обдуманыхъ доводовъ; но напрасно будемъ искашь впечатлѣній, производимыхъ истинною Поэзіей. Вообще Спихошворенія Трубадууровъ доказываюшь ихъ оспроуміе, искусство выражашъ свои чувствования и владѣшь языкомъ; но можно ли заключишь Поэзію въ сіи

шѣсныя предѣлы? Поэзію, копорая, подобно быспрому пошоку, часно спремишся по негладкимъ пушямъ, и ненаходя ни въ чемъ себѣ преградъ, увлекаешъ все за собою?

Съ шѣхъ поръ, какъ Французы ввели на своемъ Театрѣ правильную Трагедію (*), слухъ ихъ почти исключительно приучился къ именамъ Царей, Цариць и Героевъ Греческихъ. Первые опыты ихъ въ семъ родѣ, были подражанія Грече-

(*) До половины XVI вѣка, у нихъ предспавлялись шолько шакъ называемыя *таинства* (Mystères), принесенныя во Францію странниками, ходишшими на воспокъ для поклоненія Свяшымъ мѣсамъ. Предметы для сихъ *таинствъ* были всегда избираемы изъ Священнаго Писанія. Театръ Испанскій шакже долгое время предспавлялъ подобныя зрѣлища, подъ названіемъ *Дѣяній Священныхъ* (Autos Sacramentales); чему и мы имѣемъ образцы въ швореніяхъ Симеона Полоцкаго и еще нѣкошорыхъ Россійскихъ Писателей, жившихъ въ XVII, и даже въ началѣ XVIII вѣка.

скимъ Трагедіямъ. Корнель первый рѣшилъ нарушить сіе правило изключенія, давъ право гражданства на Французскомъ Театрѣ Сиду, заимствованному изъ Театра Испанскаго. Сію Трагедію можно назвать, въ нѣкоторомъ отношеніи, первою Романтическою Драмой на Французскомъ языкѣ. Расинъ послѣдовалъ Корнелю въ томъ, что не выбиралъ раболѣно изъ одной Греческой Исторіи. Бышописенія Римлянъ и Евреевъ доставили ему предметы для двухъ прекраснѣйшихъ его Трагедій: Бришанника и Говелія. Вольшеръ еще болѣе показалъ смѣлости и рѣшимости, представивъ на Французскомъ Театрѣ произшествія изъ Исторіи среднихъ вѣковъ и своего опечесства, въ Трагедіяхъ: Танкредъ, Аделаида дю-Гекленъ и пр. Нѣкоторыя изъ послѣдовавшихъ Стихотворцевъ также дѣлали сіи опсупленія; но вообще вкусъ Французовъ рѣшительно былъ на сторонѣ Трагедіи Греческой, т. е. Трагедіи, въ которой имена и произшествія взяты изъ древней Исторіи. Герои Троянской войны, и предпочтительно предъ другими, вѣчная дина-

стія Апридовъ, завладѣли почти всею обласшью Французской Мельпомены. Это подало мысль остроумному *Бершю* пошутить въ Саширѣ своей: *Les Grecs et les Romains, надъ сямъ исключительнымъ правомъ* (*).

Мы часно говоримъ, гдѣ Французамъ, что у нихъ введена Греческая Трагедія, и не входимъ въ дальнѣйшія объ этомъ разсужденія. Но что Французы разумѣють подъ Греческою Трагедіей? — Соблюденіе прехъ единствъ, и, какъ я выше сказалъ, имена и произшествія, взяшыя изъ древней Исторіи. Взглянемъ

(*) Ce fut bien pis encor quand je fus au Théâtre:
 Je n'entendix jamais que Phèdre, Cléopatre,
 Ariane, Didon; leurs amans, leurs époux,
 Tous Princes enragés hurlant comme des
 lousps;
 Rodogune, Jocaste, et puis les Pélopidés,
 Et tant d'autres héros noblement parricides...
 Et toi, triste famille, à qui Dieu fasse paix,
 Race d'Agamemnom, qui ne finis jamais,
 Dont je voyais partout les querelles antiques
 Et les assassinats mis en vers héroïques. . .

! *Berchoux.*

приспальнѣ на характеры сихъ Еллино-Французскихъ Героевъ, и мы увидимъ въ нихъ условную вѣжливостъ и свѣтскостъ Кавалеровъ Двора Людовика XIV, или Людовика XV. Нѣтъ той обваженной, такъ сказать, Природы (*), копорая была характериспическою черпою древней Трагедіи. Ахиллъ, со всею пылкостью своего нрава, какъ будто боится промолвиться: это не Ахиллъ Гомеровъ, буйный и неукротимый, а Конде, или Вилларъ, зашпанный въ лапы и гнущійся подъ шлемомъ, копорый, въ жаркомъ спорѣ своемъ съ Агамемнономъ, ни на минушу не позабывается, не выходитъ изъ себя, и кажется, держитъ на всякой случай въ запасѣ нѣсколько комплиментовъ.

(*) Многие изъ Писателей Французскихъ утверждали что она неприлична ихъ Драматической Поэзіи. Шамфоръ явно возснавалъ противъ подражанія Природѣ въ Трагедіи Французской, а Вольтеръ осмѣивалъ сіе подражаніе въ Трагедіи Шекспировой.

Разсмащривая внимашельно сшихошворныя произведенія Французовъ, легко можно замѣшишь, что господствующая у нихъ Поэзія — ешь Поэзія Дидакшическая. Кромѣ множества Поэмъ и мѣлкихъ Сшихошвореній, собсшвенно ей посвященныхъ, кромѣ Поэмъ описашельныхъ, въ которыхъ она занимается почетное мѣсто, — мы встрѣаемъ ее во всѣхъ прочихъ родахъ Поэзіи Французской: ею наполнены опышы Французовъ въ Эпическомъ Сшихошворствѣ (*); она ошзывается въ ихъ Одахъ и другихъ Лирическихъ сшихошвореніяхъ и она же проглядывается въ Поэзіи Драмашической (**). Это доказываетъ наблюдательный умъ Французовъ; но съ другой стороны разкрываетъ ошчасши причину той сухости и холодности, которыхъ, смѣло можно сказать, сосшавляютъ ошличительную чершу ихъ Поэзіи.

(*) Вся *Петреида* Томаса ешь почти собсшвенно Дидакшическая Поэма, хотя предметъ ея приличенъ болѣе Поэзіи Эпической.

(**) Особливо въ шакъ называемой *характерной Кошедіи* (*Comédie de Caractère*).

Здѣсь у мѣста повторить извѣстный Афоризмъ, что нѣтъ правила безъ исключенія. И у Французовъ, между множествомъ Поэтовъ, подчинившихся правиламъ такъ называемой классической Поэзіи, выказываются иногда такіе, которые сбросили съ себя иго условій неопшнупныхъ. Однимъ изъ сихъ смѣлыхъ почиаю я пылкаго Парни. Въ Поэмѣ своей: Иснель и Аслега, онъ проложилъ себѣ дорогу совершенно новую и рассыпалъ свѣжіе, блестящіе цвѣшны на угрюмыя скалы снѣжной Скандинавіи. Эша Поэма можешъ назваться первою Романтической Поэмой во Франціи. Шапобрианъ, котораго проза есть часто Поэзія безъ Спихопворной мѣры и риѣмъ, можешъ также, по выбору предметовъ, смѣлости выраженій и цвѣшисному слогу, причесаться къ Писателямъ Романтическимъ. Непомуценъ Лемерсье (Nérotisène Lemercier) въкопорымъ своимъ Трагедіямъ далъ совершенно-Романтическую форму, хошя въ опношеніи къ слогу онъ не показываешъ равной смѣлости,

Теперь, кажется, Французы сами почувствовали именно предѣловъ своей Поэзіи и производящую отъ того блѣдность и однообразность ихъ стихотворныхъ произведеній. Они начали переводить Шекспира и другихъ Англійскихъ Романтическихъ Поэтовъ, не такъ, какъ переводили ихъ Дюсисъ и Лё Турнёръ, передѣлывая по своему и планъ и выраженія подлинника; нѣтъ! они рѣшились передавать на своемъ языкѣ каждую Поэму такъ, какъ она есть, со всеми ея совершенствами и недоспашками; ибо и самыя ошибки Генія поучительны для талантовъ юныхъ:

C'est du Ciel que partit le feu qui l'égara.

Не говоря уже о переводахъ на Французскій языкъ Поэмъ Байрона, Томаса Мура, Соушея и Вальпера Скоппа, довольно упомянуть объ огромномъ предпріятіи нѣкоторыхъ современныхъ намъ Французскихъ Литераторовъ, переложишь на свой языкъ лучшія драматическія произведенія всѣхъ Европейскихъ народовъ, какъ то: Англичанъ, Германцевъ, Итальянцевъ,

янцевъ, Испанцевъ и Рускихъ. Трудъ, копорый безъ сомнѣнія принесеть великую пользу Словесности Французской, ибо ошкроеть новые пути къ наслажденіямъ умспивенныхъ и развяжеть крылья Генія, спущанная условіями.

С Т А Т Ь Я II.

5782
 Не должно смѣшивать Классическую Поэзію Французовъ съ Классическою Поэзіей древнихъ Грековъ и Римлянъ. У пер-
 выхъ она холодна и поща, ибо чужда по-
 му народу, который ее принялъ; у вто-
 рыхъ жива и пламенна, ибо живопису-
 етъ ихъ нравы, образъ жизни и господ-
 ствующія понятія того времени. Мы
 возхищаемся произведеніями древнихъ
 Поэтовъ, пошому, что видимъ въ нихъ
 природу, ошличную ошъ нашей, природу
 разнообразную и полную жизни. Всѣ по-
 нятія умспивенныя, всѣ видимыя вещи
 оживошворялись подь кишію Поэтовъ
 древнихъ, принимали видъ и чершы, при-
 личныя имъ по аналогіи съ существами
 одушевленными; каждый холмъ, каждый

ручеекъ, каждый куспъ дышалъ и чувствовалъ: то были Ореады, Наяды, Гамадриады. Ихъ Олимпъ былъ самый стихшворческій, ибо наполненъ былъ богами, копорымъ приписывались спрасши и наклонности, свойственныя сущесшвамъ нашей породы; словомъ: боги Грековъ были вѣрный сколокъ съ самихъ Грековъ, со всѣми ихъ добродѣшелями и пороками (*). Отъ сего мы находимъ у нихъ боговъ и богинь, копорые мсшили бѣднымъ смершнымъ по личной ненависти, или оказывали къ нимъ слабости. Отъ сего и Поэзія древнихъ еспъ Поэзія чувственная, ибо все шо, что мы по нашимъ понятіямъ, предспавляемъ въ видѣ опвлеченномъ, Греки облекали въ чувственныя формы и изображали близко къ понятіямъ первобытныхъ человекшвъ (**).

(*) Ancillon. Essaisur la différence de la Poésie ancienne et de la Poésie moderne.

(**) Здѣсь, въ нѣкоторой степени, можно разгадать причину, по чему нынѣшнія Эпопеи по большой части холодны и незанимательны? Эпопея потребуешъ чудес-

Основываясь на семъ, многіе изъ новѣйшихъ Полемическихъ Писателей раздѣляютъ Поэзію на *Классическую* и *Романтическую*, разумѣя подъ первую Поэзію древнюю, или Поэзію Грековъ и Римлянъ во времена язычества, Поэзію, кою основой основаніемъ служилъ міръ Мифологическій, предметами — событія и преданія, извѣстныя намъ изъ Исторіи и

наго, потребуешь пружинъ сверхъ-естественныхъ: безъ нихъ — она будетъ Исторія, рассказанная стихами и упомипельная для читателя. Въ новой Эпопее нѣкоторыя пыпались мѣшать Мифологию древнихъ съ понятіями Христіанскими; отъ сего ихъ Поэмы лишились главнаго — вѣроподобія, и по тому дѣлались мало-занимательными; другіе облекали въ существенныя формы понятія опвлеченныя, какъ на пр: Вѣру, Добродѣтель, Раздоръ, Войну и ш. п.; но сіи олицетворенныя понятія оспаюцца всегда одинаковы, какъ лице, списанное въ поршреть, и пошому мало одушевляющъ дѣйствіе. Каждому изъ нихъ можно придашь свойство ему приличное, а не свой-

Мифологіи сихъ двухъ народовъ (*), а отличительнымъ свойствомъ — бореніе человека съ судьбою. Подъ именемъ впрочемъ разумѣють они Поэзію среднихъ вѣковъ, или время Рыцарскихъ, кошорой осно-

сва разнообразныя; можно заставить дѣйствовать по качеству, которое мы ему приписываемъ, а не по намѣреніямъ и спрашамъ, коихъ оно имѣть не можешь. Напрощивъ того богами языческими обладали разныя спраши, и заставляли сихъ дѣйствовать такъ, какъ выгоды и намѣренія ихъ того требовали дѣйствовать неожиданно для чинашеля; и сіе то давало полный полетъ воображенію Спихотворцевъ. — Въ новой Эпопее лучшими пружинами могли бы служить добрые и злые волшебники, но и то для вѣковъ среднихъ, принимавшихъ чудесное; а не смѣшно ли было бы ввести ихъ въ Поэмы о Генрихѣ IV, Пётрѣ Великомъ и п. п. ?

- (*) Таковы, напр., повѣсть о Золотомъ Вѣкѣ, нравы пашуховъ Аркадскихъ, плаваніе Аргонавтовъ, война Троянскаго, Спранствования Улисса и Энея, Исторія Эдипа, Агамемнона, и пр. . . .

ваніемъ служатъ понятія, введенныя Православною Вѣрою Христіанскою, предметами событія первыхъ вѣковъ оной, нравы погдашнихъ Европейцевъ, подвиги Рыцарей, защитниковъ невинности и карателей злобы, а ошличительнымъ свойствомъ — склонность къ понятіямъ ошвлеченнымъ, унылая мечпашельность и стремленіе къ лучшему, блаженнѣйшему міру. — Сіе раздѣленіе весьма остроумно, но не совсѣмъ справедливо, по слѣдующимъ причинамъ.

Въ первыхъ, понятія, приличныя вѣкамъ Рыцарскимъ, неприличны уже нашему просвѣщенному вѣку, и пошому мы должны бы были заключить всю новѣйшую Поэзію отъ первыхъ вѣковъ Христіанства до XII и XIII. Во вшорыхъ, не всѣ даже и Европейскіе народы, участвовали въ понятіяхъ, образѣ жизни и подвигахъ старинныхъ Италіанцевъ, Испанцевъ, Французовъ, Германцевъ во времена Рыцарскіе, а чрезъ то Поэзія многихъ изъ нихъ, особливо народовъ Славянскаго поколѣнія, лишилась бы главной прелести для сооществениковъ — народ-

ности и мѣстности. Въ прешьихъ: опыты новѣйшихъ Поэтовъ показываютъ, что они неограничивались вѣками средней Исторіи, подвигами Европейскихъ Вишязей и мѣспомъ ихъ дѣйствія, но умѣли перенести воображеніе Европейцевъ въ страны Мавровъ, Индѣйцевъ, Персовъ, Османновъ (*) и чрезъ то разпространили область Поэзіи Романтической. Не должно заключать Поэта въ предѣлы мѣспъ и событій, но предославить ему полную свободу выбора и изложенія; и вошь, мнѣ кажется, первѣйшая цѣль Поэзіи, которую мы называемъ Романтической.

Название сіе, *Поэзія Романтическая*, одни производяшь отъ Романсовъ, пѣшыхъ древними Трубадурами, или какъ и самые Романсы, отъ языка Романскаго (Langue Romance); другіе — отъ введенія Романовъ, ш. е. повѣстей, изобрѣпленныхъ воображеніемъ, или въ коихъ испо-

(*) Гёшпе, въ Баядеркѣ и пр.; — Лордъ Байронъ въ Гяурѣ, Абидосской невѣстѣ; — Томасъ Муръ въ Лалла-Рукѣ.

рическая достоверность смѣшана съ вымыслами. Впрочемъ, названіе сіе можетъ быть совершенно произвольное; но мы, согласуясь съ общимъ употребленіемъ, станемъ называть новѣйшую Поэзію, основанную на Мифологіи древнихъ и не слѣдующую раболѣпно ихъ правиламъ — *Поэзіей Романтической*.

Первый народъ, имѣвшій Поэзію Романтическую, былъ неоспоримо Арабы, или Мавры. Народъ сей, въ эпоху кратковременнаго своего господства въ Европѣ, воспользовался едва ожившими тогда науками и искусствами сей части свѣта, сдѣлалъ въ нихъ быстрые успѣхи, и къ славѣ своей, первый показалъ Европейцамъ, что можно имѣть Поэзію народную, независимую отъ преданій Греціи и Рима. Поэзія Мавровъ, которую мы часто, безъ всякаго различія, разумѣемъ подъ общимъ именемъ *Поэзіи Восточной*, блистаетъ свѣжестью, новостію чувствованій, выраженій и картинъ, не говоря уже о вымыслахъ, и насъ, отдаленныхъ отъ ея изобрѣшашелей климатомъ, нравами и обычаями, плѣняетъ невольно, роскошною своею прелестію.

Изъ Европейскихъ народовъ, Итальянцы первые прославились успѣхами своими въ Поэзіи Романтической, воспѣвъ подвиги Рыцарей Карла Великаго и войну Крестоносцевъ. Поэмы Аріосто и Тассо считаются и будуть всегда считаться образцами пламеннаго воображенія, истинныхъ красоть Поэзіи и прелестной версификаціи на томъ языкѣ, котораго обыкновенная рѣчь—есть музыка. Мрачная Поэма Данте, не смотря на странное свое названіе (*), многіе недоспашки и часно грубый вкусъ, необходимую дань вѣку, въ которомъ она была писана, заключаешь въ себѣ безчисленныя, неподражаемыя красоты: довольно упомянуть объ эпизодахъ Уголина и Франчески ди Римини, дающихъ творцу ея мѣсто между великими Поэтами всѣхъ вѣковъ и народовъ. Справедливостъ пребудетъ одинаковъ сказать, что творенія знаменитѣйшихъ Поэтовъ Италіи представляють почти непрерывную борьбу вкуса Романтическаго съ Классическимъ, и что

(*) La Divina Comedia di Dante Alighieri.

въ лучшихъ изъ сихъ твореній нерѣдко смѣшаны преданія древнихъ съ понятіями современныхъ народовъ. Поэзія Испанская служила какъ бы черпою прикосновенія между Поэзіями древнею и новою.

Испанцы, кажешся, были основателями вкуса Романшическаго въ Поэзіи Драмашической. Лопесь де Вега, Кальдеронъ дела Барка и другіе ихъ Стихотворцы не придерживались неопшшупно ни преданій, ни правилъ, заповѣданныхъ древними; подвиги Сида, казнь Рыцарей Храма и другія событія Среднихъ вѣковъ были ихъ предметами. Правда, они слишкомъ далеко простирали нарушеніе прехъ единствъ и давали себѣ неограниченную свободу разтягивать произшешія, передвигать сцены и дѣлашь анахронизмы, ошъ чего мы находимъ у нихъ, какъ напр. въ Трагедіяхъ Кальдерона, Польскаго Короля *Василія* и *Астольфа*, Великаго Князя Московскаго. Не смотря на сіи недосшашки, драмашическія произведенія Испанцевъ, по признанію даже самыхъ противниковъ Романшическаго вку-

са, богатыи первостепенными, изящными красотоми Поэзии.

Первая, известная эпоха Поэзии Английской, начиная съ Шекспира и Спенсера, ознаменовалась вкусомъ Романтическимъ. Шекспиръ, отецъ Английскаго Театра, былъ вѣстѣ и утвердилъ сего вкуса въ Поэзии Британской. Сей Геній шворилъ, неподвластный никакимъ условіямъ, самъ создалъ для себя правила, или лучше, онъ не зналъ никакихъ правилъ, и писалъ по внушенію своего сердца и воображенія. Приверженцы вкуса классическаго находили въ немъ шмы недоспаковъ, часто излишнее пареніе, даже надушость; но могутъ ли они спорить у Шекспира глубокое познаніе челоѳческаго сердца, копорое онъ разгадалъ въ самыхъ тайныхъ его извивахъ? могутъ ли опнить у него власть воображенія всеобъемлющаго, копорое шворя даже и химеры, увлекаетъ насъ и заспавляетъ почти вѣришь ихъ существованію? Въ пьесахъ своихъ: *The Tempest* и *Midsummer nigt's dream* (*), онъ со-
 (*) Последняя изъ сихъ пьесъ доспавила Виланду предметъ для Поэмы его: *Оберонъ*

вершено предается сему своевольному воображенію, споль же быспро измѣняющемуся, какъ стихія, на которой играютъ роскошныя цвѣты радуги (*). Въ Макбетъ и Гамлетъ воображеніе сіе является мрачнѣе, и будучи слишо съ силою чувствованій, наполняетъ душу ужасомъ. Въ Отеллъ и Царь Лиръ (The King Lear), положенія дѣйствующихъ лицъ и спраспи, въ нихъ буншующія, показывающъ Шекспира спонкимъ наблюдателемъ и искуснымъ живописцемъ челоуѣческой природы. Самыя недоспашки его имѣющъ свою прелестъ, ибо сильнѣе дающъ чувствоватъ п евосходство мѣспъ изящныхъ, чего, по свойспву Поэзіи Шекспировой, поэсп не доспигъ бы при единообразномъ совершенствѣ. Шекспиръ не сполько былъ опличный изобразитель природы и спраспей: онъ вѣрный испорикъ нравовъ и обычаевъ шѣхъ времени и мѣспъ, изъ коихъ бралъ предметы для

(*) the element,

That in the colours of the rainbow lives. . . .

MILTON.

Драмъ своихъ. Подъ пламеннымъ небомъ Италіи и на цвѣтущихъ ея равнинахъ, мы видимъ у него Ипальянцевъ съ живымъ ихъ воображеніемъ и пылкими спрасшями, видимъ ихъ такъ, какъ они были въ изображаемую поэтомъ эпоху: съ ихъ образомъ жизни, привычками и повѣрьями. Жителю шуманнаго Албіона и хладнаго Сѣвера умѣлъ онъ дать дръгія черты нравственныя, подчинилъ ихъ другимъ спрасшямъ, споль же сильнымъ, но дѣйствующимъ по иному направленію. Шекспиръ имѣлъ многихъ послѣдователей: Бенъ-Джонсонъ, Флечеръ и Ошвай болѣе или менѣе ему подражали, но ни одинъ съ нимъ не сравнился. — Мильшонъ, въ *Потерянномъ Рабѣ*, умѣлъ придашь краски піишическія предметамъ Священнымъ и такъ сказать, облечь въ чувстввенность понятія отвлеченныя. Подъ перомъ его оживошворились добродѣтели и пороки, хотя чувстввенными Героями его были — единственна чеша смертныхъ, существовавшая въ началѣ мірозданія. Мильшонъ первый показаль, какія пружины должны дѣйствовашь въ

эпопеѣ, приличной нашимъ понятіямъ и Вѣрѣ.

Въ послѣдствіи, особливо со временъ Поппа, многіе Стихотворцы хошѣли подвесити Поэзію Англійскую подь холодную, однообразную форму Поэзіи Французской, признавъ ее за классическую. Уже вкусъ сей сдѣлался было господствующимъ и грозилъ Англійской Поэзіи утратою лучшаго ея достоинства — оригинальности; но въ наше время многіе превосходные Поэты старались возстановити вкусъ, освященный названіемъ *народнаго*, и соснавили впорую эпоху Англійской Романтической Поэзіи. Назовемъ нѣкоторыхъ отличнѣйшихъ изъ современныхъ намъ поэтовъ, не наблюдая права первенства ни въ Хронологическомъ, ни въ эстетическомъ отношеніи.

Лордъ Байронъ, который, какъ видно изъ сочиненной имъ нѣкогда Сапирѣ на Поэтовъ Англійскихъ и кришниковъ Шотландскихъ (*), былъ сперва ревност-

(*) Издашелей и Сотрудниковъ Кришическаго Журнала Edimbourg Review.

нымъ защитникомъ классической Поэзіи,
 — прославился своими Романтическими
 Поэмами. Собственные горести и лише-
 нія, заславлявшія его убогашъ свѣта и
 людей, положили мрачную печать на
 большую часть его произведеній. Въ нѣ-
 которыхъ изъ нихъ встрѣчаешь суще-
 ство одинокое, разлюбившее жизнь, оп-
 падшее отъ общества, разорвавшее всѣ
 связи сердечныя и наскучившее мѣлкими
 заботами житейскими; это существо —
 самъ Поэтъ! Больше всего живописуешь
 онъ себя въ *Childe Harold*, гдѣ подъ вы-
 мысленнымъ лицомъ, передаетъ намъ
 свои чувствованія, оправданія и докуч-
 ную тоску, влачившую его изъ края въ
 край искашъ разсѣянія. Иногда существо,
 имъ описываемое, упадаетъ до пороковъ
 унижительныхъ, но въ самомъ униженіи
 своемъ опличается какою то гордостью,
 показывающею, что оно независитъ отъ
 обстоятельствъ. Вообще Поэзія Байро-
 нова опличается силою выраженій, но-
 востію мыслей и живостію картинъ, въ
 которыхъ онъ съ опличнымъ искусствомъ
 схватываетъ чершы мѣстныя. Такъ въ

Поэмъ его, *Гяуръ*, мы слышимъ Турка, который рассказываетъ со всѣмъ суевѣрїемъ, сроднымъ его понятїямъ, ночный бѣгъ Гяура, предсавлявшагося ему, какъ ужасный призракъ, или существо, покрытое шайнствомъ, и почти сверхъестественное. — Мѣлкія Спихошворенїя Лорда Байрона, особливо такъ названныя имъ *Еврейскія Мелодїи*, почерпнутыя изъ книгъ Священнаго Писанїя, наполнены красотами Поэзіи и разнообразїемъ предметовъ. Нѣкоторыя изъ мѣлкихъ его пьесъ, такъ сказать, оковываютъ воображенїе чашапеля неясностїю и ошдаленностїю своей цѣли; таковы пьесы его: *Мракъ* и *Сонъ*; въ послѣдней, подъ видомъ мечтанїй ночи, открываетъ онъ намъ нѣкоторыя шайны собшвенной своей жизни. Байронъ спускается иногда до тона шупливаго; не говоря уже о *Сапирѣ* его, въ которой разсыяно много соли и вѣдкости, въ двухъ Поэмахъ своихъ *Донъ-Жуанъ* и *Бенно*, онъ примѣшно хошѣлъ повеселить своихъ чашапелей: но шупливость его не такова, чтобы срывала невинную улыбку удовольствїя: это больше язви-

щельная каррикатура свѣта и людей.

Томась Муръ написалъ нѣсколько мѣлкихъ Спихопвореній, опличающихся нѣжносною чувствованій и сладсною Поэзіи, и заслужившихъ ему названіе Анакреона (Anacreon Moore). Въ иноснравной Литературѣ онъ болѣе извѣстенъ поэмою своею *Лалла-Рукъ* (Lalla Rookh), поэмою, содержащею въ себѣ чешыре другія Поэмы, писанныя разными мѣрами, и шакъ сказашь, на разный снрой. Онъ разнообразнѣ въ предметахъ и характерахъ, нежели Лордъ Байронъ, и по признанію знаюковокъ Англійскаго языка, слогъ его имѣетъ болѣе гладкосни и круглосни. Въ Поэмѣ *Лалла-Рукъ*, онъ приводитъ чинашеля въ пріашное заблужденіе: кажешся, что ее писалъ не Европеець, а какой нибудь Поэшь, соотечеснвенникъ Фердузи, или Амраль-Кеизи (*). При-

(*) Восточныя Поэшы, первый Персидскій, извѣстный Поэмою своею *Шах-Намахъ*; а впорый Арабскій, котораго *Касида* (Идиллія) была первою изъ семи По-

рода, имъ изображаемая, нравы лицъ, выводимыхъ имъ на сцену, ихъ обычаи и повѣрья, новоспѣ каршннѣ и положеній, слогъ, дышащій ароматами востока — все служило къ подкрѣпленію сего очаровательнаго обмана. Чиншелеямъ нашимъ знакомы нѣкоторыя Эпизоды, или вводныя Поэмы Лалла-Рукъ (*), и по тому мы неспавемъ разпростираньясь о ея достоинствѣ. — Томасъ Муръ не давно еще издалъ новую Поэму *Любовь Ангеловъ*, коюрой Поэзія есть — чистѣйшая музыка душъ, разрѣшенныхъ оны узъ своихъ шѣлесныхъ и внемлющихъ неподражаемой гармоніи небесъ.

Валшеръ Скопшъ, извѣстный въ иностранной Словесности своими Романа-

эмъ, висѣвшихъ на стѣнахъ храма Мекскаго. (V. Simon de Sismondy).

(*) *Рай и Пери* и *Обожатели огня*, помѣщенные въ *Соревнователь Просвѣщ.* и *Благотвор.* 1821 года; первая изъ нихъ еще болѣе извѣстна Любшелеямъ Отечественной Поэзіи, по прекрасному предложенію въ стихахъ Г. Жуковскаго.

ми, въ которыхъ онъ является искуснымъ живописцемъ временъ, мѣстъ и лицъ, написалъ нѣсколько Балладъ и Поэмъ Романпическихкихъ (*). Живое воображеніе, видъ правдоподобія, который онъ умѣетъ придавать вымысламъ, выходящимъ даже за предѣлы вѣроятія, и быстрой, пламенныйй рассказъ, кипящій новостію и разнообразіемъ предметовъ, составляющій опличительное свойство произведеній сего Поэта.

Соушей, написавшій также нѣсколько Поэмъ и Балладъ (**), Колриджъ, сочинитель Поэмы *Кристалль*, Кембелль и нѣкоторые другіе изъ современныхъ Англійскихъ Поэтовъ, заслуживающій почетныя мѣста въ храмѣ Романпической Музы, не смотря на грозный о нихъ

(*) *Мармонъ, Лордъ Острововъ, Пѣсне послѣдняго Менестрела ипр.*

(**) *Юанна д' Аркъ, Родерикъ и другія его Поэмы имѣютъ великое достоинство. Г. Жуковскій съ свойственнымъ ему искусствомъ переложилъ одну изъ Балладъ Соушей: Старушка.*

приговоръ Лорда Байрона (*). Вообще Поэзія Англійская богата отличными произведеніями въ семь родѣ, и безпрестанно въ ней возникаютъ новыя дарованія, безпрестанно разцвѣшающъ свѣжіе, прелестныя цвѣтки.

Прислушаю къ очерпанію Поэзіи Германской, кошорая образовалась, въ нынѣшнемъ ея видѣ, позже другихъ упомянутыхъ нами; но по особенной, ей только свойственной оригинальности, по высокимъ дарованіямъ Пѣвцовъ, ее прославившихъ и проложившихъ новый путь въ царствѣ воображенія, едва ли не превзошла Поэзію прочихъ народовъ Европы. Близкое сосѣдство наше и почти непрерывныя сношенія съ племенами Германскими, великое сходство въ духѣ языковъ относительно къ Поэзіи (**), а

(*) Въ Сапирѣ, о кошорой мы упоминали выше.

(**) Чему служишь доказательствомъ великое удобство переводить стихами близко и соблюдая всѣ красоты подлинника, какъ

особливо съ нѣкотораго времени сильное вліяніе Поэзіи Германской на собственную нашу, заставляющъ насъ говорить о ней просираннѣе, тѣмъ болѣе, что, какъ изъясняется одна знаменитая Писательница, каждый изъ великихъ Поэтовъ Германіи составляетъ особенную свою школу (*).

Опличительное свойство Поэзіи Германской, или справедливѣе, свойство великихъ Поэтовъ сей страны, Клопшюка, Шиллера и Гётте, состоить въ томъ, что они облекли радужными цвѣтами

съ Нѣмецкаго на Руской, такъ и съ Рускаго на Нѣмецкой языкъ. Превосходныя преложенія лучшихъ стихотвореній Шиллера и Гётте, которыми дарить насъ Г. Жуковскій, нѣкоторыя прекрасныя опыты Милонова, такъ же близкіе и достойныя всякой похвалы переводы нѣкоторыхъ Рускихъ Стихотвореній на Нѣмецкой языкъ Г. Фонъ-Деръ Борха, и недавно еще появившееся преложеніе Поэмы А. Пушкина: *Кавказскій Пльнникъ*, — подтверждаютъ мною сказанное.

*) Г-жа Спаль, De l'Allemagne.

стихотворенія высокія истины Вѣры и Философіи. Можно даже сказать, что у нихъ Поэзія слилась съ философіей, ибо въ Поэзіи Германской много философскаго, а въ философіи много поэтическаго. Пѣвцы Германіи нашли шайну выказывающъ изъ подъ прозрачной пелены воображенія понятія опвлеченныя; мудрецы ея — говорили уму посредствомъ воображенія. Самый языкъ, который для непривычнаго слуха чужестранцевъ кажется грубъ и несомѣсненъ съ гармоніей, сдѣлался усилями великихъ Поэтовъ гибокъ и звукоподражателенъ. Подъ ихъ перомъ, языкъ сей подобно мягкому воску, легко принимаетъ всѣ формы, всѣ измѣненія, и пѣмъ разнообразіе, что каждый Поэтъ даетъ ему особенное, свое направленіе.

Многія причины заставляють меня избрать въ путеводители на семь поприщѣ славную Писательницу, которая такъ искусно умѣла раскрыть и оцѣнить отличнѣйшія произведенія пѣвцовъ Германіи. Г-жа Спаль-Голспейнъ съ пронзительнымъ взоромъ и разсудительнымъ

умомъ мужчины взвѣсила каждую мысль, каждый стихъ, носящіе печать оригинальности; съ тонкимъ чувствомъ женщины указала намъ каждый звукъ, копорому ошголоскомъ служишь сердце. Ея способъ разсмапривать и оцѣнять изящное въ Поэзіи Германской, по моему мнѣнію, таковъ, что не оставляетъ ничего желать, и слѣдовательно лучшей; по чему говоря о семъ предметѣ, я намѣренъ быть только ея исполкователемъ на природномъ моемъ языкѣ. Здѣсь я даю себѣ свободу собирать вмѣстѣ мнѣнія и сужденія объ одномъ Писателѣ, разбѣянные Г-жею Спаль въ разныхъ мѣстахъ ея сочиненія; позволяю себѣ нѣкопорыя изъ нихъ сокращать, и даже пропускаать то, чему, къ сожалѣнію, предѣлы сей спашьи не оставляютъ мѣста.

Въ прошедшемъ вѣкѣ, Словесность Германская была также подвержена раздѣленію. Были Писатели, и даже опличные, копорые хотѣли подчинить ее условному вкусу современной Поэзіи классической, и въ особенности Французской. Изъ сихъ Писателей первое мѣсто зани-

маеиъ Виландъ. Пѣвецъ *Оберона*, *Философій Грацій* и *Авшоръ* многихъ *Романовъ*, отличающихся оспроуміемъ и обработанносцію слога, хотѣль подражать въ *Поэмахъ* своихъ *Аріосту*, а въ прозаическихъ произведеніяхъ — *Волперу*. Но въ философическихъ его *Романахъ* уже явно бореніе врожденнаго, можно сказать, вкуса *Германца* съ прививнымъ вкусомъ *Французовъ*. Виландъ часто бываетъ слишкомъ глубокъ шамъ, гдѣ хотѣль бы казался легкимъ и шупливымъ; онъ не можетъ, по примѣру своего образца, безопасно скользить по предметамъ важнымъ и увлекается непреодолимою наклонносцію изслѣдовать и обдумать. Опъ сего-то важное и шупливое въ его *Романахъ* такъ рѣзко выказывающія одно изъ за другаго, что никакъ не могутъ слышаться вмѣстѣ. Противоположности намъ нравятся; крайности насъ упоминають.

Другіе Писатели, опличившіеся отъ Виланда и его послѣдователей, духомъ и формою своихъ произведеній, ввели въ *Германіи* вкусъ *Романтической*, по образцу *Поэтовъ Англій*. Первые начашки ихъ

были почти подражанія Поэтамъ Бри-
танскимъ, но въ послѣдствіи Германская
Поэзія отличилась особеннымъ духомъ и
свойствомъ, о чемъ я имѣлъ уже случай
сказать выше. Сія часть Писателей до-
казала ясными доводами и опытами, что
Романтизмъ болѣе свойственъ Герман-
цамъ какъ по качеству самаго языка,
такъ и по духу народному племень Тев-
тоническиххъ. Романтики Германскіе ско-
ро воспоржествовали надъ ихъ против-
никами, и торжество ихъ было шѣмъ
блистательнѣе, что въ числѣ ихъ несрав-
ненно болѣе славныхъ Писателей, нежели
между поборниками вкуса классическаго.
Клопштокъ, Гётте, Шиллеръ, Магиссонъ,
Тикъ, Бюргеръ — суть имена, которыя
украшаютъ знамена Музы романтической.

Геній Клопштока воспламенился чте-
ніемъ Милтона и Юнга; но отъ него по-
лучила бышіе настоящая школа Герман-
ская. Въ одной своей Одѣ, онъ восцѣль
соезязаніе двухъ Музъ: Англійской и Гер-
манской. Онъ гошоващся вспустишь въ
бѣгъ. Поэтъ живо изобразилъ благород-
ное ихъ прѣніе; но по тонкому чувству

не хопѣлъ названъ побѣдительницу. Муза Германіи любишь подругу свою, удивляешься ей; но бессмертіе, вѣнки побѣдныя всего ей дороже. „Еслибъ, говоришь, „я первая достигла цѣли высокой. . . о! „и тогда ты близко будешь по слѣдамъ „моимъ. . . дыханіе швое будешь коле- „бать волнующіеся мои волосы.“ — Вдругъ загремѣла труба; онѣ полетѣли съ быспрошою орлиною; облако пыли вспало на обширномъ поприщѣ. Я видѣлъ ихъ близъ мѣшны; но облако сгустилось и скоро я поперялъ ихъ изъ виду.“

Всѣ шворенія Клопштока имѣли цѣлью или прославленіе Вѣры, или возбужденіе любви къ Отечеству. Многія изъ Одъ его могутъ назваться Псалмами Христіанства. Больше всего славу его ушвердила Пѣснь Духовная въ видѣ Поэмы Эпической, на которую онъ посвятилъ двадцать лѣтъ своей жизни — *Мессіада*. До него было двѣ Поэмы, основанныя на Христіанствѣ: Поэма Даншова и *Потерянный Рай* Милтона. Первая наполнена вымыслами и призраками, свойственными времени Даниша и понятіямъ о вѣрѣ его

единоземцемъ (*). Милтонъ, жившій въ
 годину междоусобій своего опечества,
 особенно превосходень въ изображеніи
 лицъ и свойствъ; его Сашана есть испо-
 линъ-заговорщикъ, восплававшій про-
 шивъ Неба. — Клопшпокъ постигъ чув-
 ство Хрисціанина во всей его чистотѣ:
 душа его была посвящена божественно-
 му Искупителю человѣковъ. Опцы Цер-
 ковныя были вдохновеніемъ Данту, Биб-
 лія — Милтону; превосходѣйшія мѣста
 Поэмы Клопшпоковой почерпнушы изъ
 книгъ Новаго Завѣша. Онъ умѣлъ извлечь
 изъ божественной протопы Евангелія
 прелестъ Поэзіи, ни мало не помрачаю-
 щую чистоты его. Начиная читать По-
 эму сію, думаешь, что вошелъ въ огром-
 ный храмъ, посредѣ коего раздаются сла-
 доспные звуки пѣнія хвалебнаго: умиле-
 ніе и благоговеніе, внушаемыя храмами
 Господними, овладѣвають душою при
 чтеніи Мессіады.

Главное лице сей Поэмы — выража-

(*) О Данте см. въ сей сшашѣ, гдѣ говорит-
 ся о Поэзіи Ишалъянцевъ.

жаясь на нашемъ смертномъ языкѣ, — внушаетъ въ одинакой степени удивленіе и жалость, такъ, что одно изъ сихъ чувствованій нимало не ослабляетъ другаго. Одинъ великодушный Поэтъ сказалъ о вѣнчанномъ спрадалцѣ Людовикѣ XVI:

Jamais tant de respect n'admit tant de pitié (*).

Сей стихъ прогательный и благоговѣйный могъ бы выразить по умиленіе, которое Мессія внушаетъ въ Поэмѣ Клоппшпоковой. Конечно, предметъ оной выше всѣхъ изобрѣненій ума; но великія его усилія нужны, чтобы изобразить съ такимъ чувствомъ человечество въ Существѣ божественномъ, и съ такою силою Божество въ Существѣ человеческомъ.

Дабы избѣжать однообразія, каковое весьма было бы оцупишельно въ Поэмѣ, основанной на предметѣ умственномъ и созерцательномъ — на воплощеніи и спраданіи Спасителя міра, — Клоппшпокъ украсилъ ее Эпизодами. Смерть Маріи, се:

(*) Стихъ Г. де-Сабрана.

спры Лазаревой, представляешь картину успенія праведника. Самъ Клопшшокъ, передъ кончиною, тихо повшоряль сіе мѣсто своей Поэмы, какъ бы для шого, чшобы пригошвишь себя спокойно разспашься съ жизнью: чувспвованія, выраженные юношею, были споль чисты, чшо служила къ ушѣшенію спарца въ послѣднія минушы. Сія же пѣснь о смерти Маріиной была читана, вмѣсто надгробнаго слова, при опшданіи плачевнаго долга бременнымъ останкамъ Клопшшоковымъ. — Другой эпизодъ представляешь любовь Циди и Семиды, воскрешенныхъ Исусомъ. Любовь ихъ чиста и непорочна, какъ любовь небесная, какъ новое бышіе ихъ: они не бояшя смерти, но чаюшь перейши опшь земли къ небесамъ, не изпыпавъ горестной разлуки. — Наконецъ, въ одномъ эпизодѣ Клопшшокъ изображаетъ Аббадону, духа оппадшаго, копорый, нося на челѣ своемъ печашь опшверженія, чувспвуешь еще влечение дѣлашь добро челоуѣкамъ. Грызущее разкаяніе прилѣпляется къ безсмертной его породѣ; онъ груспишь о небѣ, имъ ушраченномъ,

о кругахъ звѣздныхъ, бывшихъ его жилищемъ. Какое положеніе представляешь сей возвратъ къ добродѣтели, когда судьбы непреложны! къ мукамъ геенны недоспавало водворенія существа, обратившагося къ чувствительности! Мы еще недовольно извѣдали пособія нашей Вѣры въ возвышенной Поэзіи; Клошшпокъ есть одинъ изъ шѣхъ новыхъ Поэшовъ, которые умѣли олицетворить созерцательность Вѣры Хрисціанской положеніями и картинами, ей свойственными.

Читателямъ нашимъ конечно будетъ пріятно вспомнить превосходный переводъ сего эпизода Поэмы Клошшповой. Хотя мы увѣрены, что каждый изъ нихъ знаетъ сіи прекрасные стихи, въ которыхъ Жуковскійша къ счастливо сосязался съ шворцемъ подлинника; но не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать по мѣсту, гдѣ Аббадона, приближась къ врагамъ Эдема, узнаешь между спрегущими ихъ Ангелами Абділа. Другъ Аббадоны до его паденія не слышишь его голоса, погружаясь въ созерцаніе славы Божіей;

. Какъ прелесть
 Перваго ушра, какъ младость первой весны
 мірозданье,
 Такъ Серафимъ блисхаль, но блисхаль онъ не
 для Аббадоны?
 Онъ ошлешѣлъ, и одинъ посреди опустѣвшаго
 неба
 Такъ невнимаемымъ гласомъ взываль издали
 къ Абдіилу:
 „О Абдіилъ! мой братъ! иль навѣки меня ты
 отпринулъ?
 Такъ! навѣки я розно съ возлюбленнымъ!
 страшная вѣчность! —
 Плачь обо мнѣ, все швореніе! плачьте вы, ча-
 да свѣша!
 Вѣчно не бышь мнѣ любимымъ! увяньте, вы,
 шайныя сѣни,
 Гдѣ мы бесѣдой о Богѣ, о дружбѣ нѣжно сли-
 вались!
 Свѣшлы небесны пошоки, близъ коихъ, сладко
 объемлясь,
 Мы воспѣвали чистою пѣснію Божію славу,
 Ахъ! замолчише, изсякнише! нѣшь для меня
 Абдіила!
 Нѣшь! и навѣки не будешъ! адъ мой, жилище
 мученья,
 Вѣчная ночь! унывайте вмѣспѣ со мною на-
 вѣки!
 Нѣшь Абдіила! вѣчно мнѣ милаго брата не
 не будешъ!“ —

Такъ шосковаль Аббадона, сшоя предъ
 входомъ въ созданье.
 Строемъ кашилися звѣзды. Блескъ и крыла-
 тые громы
 Всрѣчу ему Оріоновъ лешящихъ, его успра-
 шали —
 Цѣлые вѣки не узрѣль онъ, шоской одинакой
 помимый,
 Свѣшлыхъ міровъ! Погруженъ въ созерцанье,
 печально сказалъ онъ:
 „Сладостный входъ во блаженство! почшо
 загражденъ Аббадонъ?
 О! для чего не могу я опашь залешѣшь на оп-
 чизну,
 Къ свѣшлымъ мірамъ Вседержишеля, вѣчно
 покинушь
 Обласшь изгнанья? Вы, солнцы, прекрасныя
 чада созданья!
 Въ оный торжештвенный часъ, какъ блишшая
 изъ мощной десницы,
 Вы полешѣли по юному небу, — я былъ васъ
 прекраснѣй!
 Нынѣ спшою, помраченый опверженецъ, си-
 рый изгнанникъ,
 Гнусный, среди красшы мірозданья. О небо
 родное,
 Видя тебля, содрагаюсь, шамъ, пошерьаль я бла-
 женство!

Тамъ, ополчившись на Бога, сналь грѣшникъ!
 О миръ непорочный!
 Милый поварищъ мой! въ свѣтлой долинь
 спокойствія, гдѣ ты? —
 Тщешно! одно лишь смяшенье при видѣ со-
 зданія славы
 Мнѣ ошъ пропекшя жизни оспалось, печаль-
 ный оспашокъ!
 Ахъ! для чего я къ Нему не могу возгласишь:
 мой Создатель!
 Радостнобъ нѣжное имя ошца успупись не-
 порочнымъ!
 Пусть неизгнанные въ нисшомъ восшоргъ:
 Ошець! восклицающъ.
 О Судя непреклонный! пресшупникъ моливъ
 не дерзаетъ,
 Чшобъ хошь единымъ ты взоромъ меня посѣ-
 шиль въ сей пучинѣ!
 Мрачныя, полныя ужаса мысли, и ты безна-
 дежнось,
 Грозный мучишель, свирѣпствуй! почшо я
 живу, о ничшожнось,
 Или шебя не узнать? ... проклинаю сей день
 ненависный,
 Зрѣвшій Создателя въ шесшвіа свѣтломъ съ
 предѣловъ вѣшока,
 Слышавшій слово Создателя: буди! слышав-
 шій голосъ
 Новыхъ безсмершныхъ, вѣщавшихъ: и брашь
 нашъ возлюбленный созданъ!

Вѣчность! почему родила ты сей день? по-
 чему онъ былъ ясенъ,
 Мрачносью не былъ той ночи подобенъ, ко-
 торую Вѣчный,
 Гнѣвомъ грозы ополченный, себя облакаетъ?
 почему онъ
 Не былъ проклятиемъ Бога гнѣпомъ, обна-
 женъ ошъ созданій?...
 Чшо я изрекъ?... охулишель! кого предъ оча-
 ми созданья
 Ты порицаешь? Вы, солнцы, меня опалише!
 вы, звѣзды,
 Гряньшесь ко мнѣ на главу. и укройше меня
 ошъ преспола
 Вѣчныя правды и мщенья! О ты, Судія не-
 преклонный,
 Или надежды вѣчность Твоя для меня не
 скрываешь?
 О Судія! Ты Создашель! Отець!... Чшо вѣ-
 щаю, безумецъ?
 Мнѣль призывашь Іегову? Его нарицашь име-
 нами
 Спрашными грѣшнику? Ихъ лишь даруешь
 одинъ Примиришель!
 Ахъ! улешимъ! ужь воздвиглись Его всемогу-
 щіе громы
 Спрашно ударишь въ меня... улешимъ! но ку-
 да?... гдѣ ошрада?...
 Рекъ и низринулся быспро во глубь безпре-
 дѣльныхъ бездны!

Горько взывалъ онъ: „Созжи, уничижь меня,
огнь разрушитель!“
Вопли исчезли въ пуспыиѣ и огнь не при-
текъ разрушитель!
Смушнѣй онъ снова помчался къ мірамъ и
приникъ упоженный
Къ нѣкому пышноблещящему солнцу. Опшо-
лъ на бездны
Скорбно сморѣлъ онъ. — Тамъ звѣзды кипѣ-
ли, какъ свѣшное море,
Вдругъ налешѣла на солнце заблуждая въ
безднѣ планета!
Чась ей наспаль разрушенья, уже задымилась
и рдѣла . . .
Къ ней полешѣлъ Аббадона, мечшая разру-
шипсья вкупѣ . . .
Дымомъ она разлешѣлась, но ахъ! не погибъ
Аббадона! —

Мы уже сказали выше сего, что
Клопшпокъ сочинилъ много Одъ Духов-
ныхъ и Папріюшическихъ; кромѣ того
онъ написалъ нѣсколько Одъ на другіе
предмешы. Въ духовныхъ своихъ Одахъ
онъ умѣлъ сдѣлать осязаемыми поняшя
о безпредѣльномъ; но сей родъ Поэзіи не-
рѣдко шеряется въ неизмѣримомъ, кошо-
рое силипсья объашь. Трудно было бы

привести какой нибудь стихъ изъ сихъ Ода, какъ мысль отдѣльную: красота ихъ сосшоитъ во впечатлѣннн, производимомъ цѣлымъ. Какъ пребывашъ ошъ человека, смотрящаго на море, сію необозримую бездну воду, вѣчно движущуюся и всегда неизшощимую, сію бездну, предспавляющую образъ всѣхъ временъ въ насшоящемъ, всю цѣпь событій въ одномъ цѣломъ, — какъ пребывашъ, говорю, ошъ сего человека опчеша, волна за волною, въ шомъ удовольствіи, которое онъ чувствшуетъ, мечтая на берегу? То же можно сказаъ и о размышленіяхъ благовѣйныхъ, украшенныхъ Поэзіей: они досшойны удивленія, если окрыляють насъ всегда на новый полешъ къ долѣ возвышеннѣйшей, если написавшись ими, человекъ чувствшуетъ себя лучшимъ: таковъ долженъ бытъ судъ о сихъ произведенияхъ.

Между Паптріюшическими Одами Клопшюка замѣчательна, *Пѣснь Скальдовъ о смерти Германа*, котораго Римляне называли Арминіемъ. Германъ былъ умерщвленъ Князьями Германскими, изъ зави-

спи къ его славъ и могуществу; при Скальда, Вердомарь, Кердингъ и Дармондъ, оплакивають смерть его, воспоминають его воинскіе подвиги, побѣду надъ Варусомъ, Римскимъ полководцемъ, и хощящъ скрыть горешное событіе ошъ Туснельды, супруги сраженнаго измѣною Героя, Туснельды, кошорой отецъ былъ въ числѣ убійць Германа. Въ сей и нѣкошорыхъ другихъ своихъ Одахъ, Клопшнокъ воспользовался Миѳологіей древнихъ Скандинавовъ.

Изъ прочихъ его Одъ упоминаемъ объ одной, весьма пріятной, подъ заглавіемъ: *Искусство Тьяльфово*, ш: е: искусство бѣгашъ по льду на конькахъ, коихъ изобрѣшеніе приписываютъ исполину Тьяльфу. Поэтъ самыми живыми красками изобразилъ сіе зимнее увеселеніе, котораго удовольствіе состоитъ въ преодолѣніи опасностей по хрупкому льду, въ борьбѣ съ холодомъ и пр.

Гѣшше естъ одинъ изъ плодовишѣйшихъ и разнообразѣйшихъ Поэшовъ Германи: онъ писалъ Поэмы, Драмашическія сочиненія, Баллады, Элегіи и разныя мѣл-

кія Лирическія Стихопворенія. Его Поэма *Германнъ и Доротея*, переведена на многіе языки (въ шомъ числѣ и на Руской): но ее надобно читашь въ подлинникѣ, чшобъ имѣшь понятіе объ удивительномъ дарованіи Поэта, кошорый умѣлъ придашь занимательность и прелестъ лицамъ и происшествіямъ незначительнымъ. Въ переводѣ сія прелестъ изчезаетъ.

Драматическія сочиненія Гётте можно раздѣлишь на два рода: шѣ, кошорыя онъ писалъ для представленія, и шѣ, кошорыя онъ писалъ, какъ должно предполагашь, не имѣя въ виду сей цѣли. Въ первыхъ мно о ума, много пріятности — и ничего болѣе. Во вторыхъ, коихъ нельзя, или по крайней мѣрѣ весьма трудно сыграть на театрѣ, являюща необыкновенный талантъ Гётте во всемъ своемъ блескѣ. Его гений, по видимому, не можетъ снѣснать себя границами Театра: подчиняясь правиламъ, онъ теряетъ часть своей оригинальности, и тогда только находить ее снова во всей полношѣ, когда можетъ своевольно смѣшивашь всѣ роды Поэзіи.

Гётте попеременно испышивалъ да-

рованія свои въ разныхъ родахъ, принималъ и опмешалъ разные вкусы. Если вкусъ его соотечественниковъ прильпился къ какой нибудь крайности, то онъ вдругъ старался дать ему другое, противоположное направленіе. Казалось, что онъ самовластно господствовалъ мнѣніями въ области Литературы.

Наскуча подражаніями Французамъ въ драматическихъ сочиненіяхъ, которыхъ тогда являлись въ Германіи, написалъ онъ историческую Драму *Геццъ фонъ-Берлихингенъ*; эту Драму можно почти назвать слѣпкомъ съ Трагедій Шекспировыхъ. Въ ней видишь стараго Рыцаря, коего вся жизнь ознаменована была честью и правдивостью; другъ его измѣняетъ ему; но онъ любитъ еще и друга измѣнника. Окруженный врагами въ своемъ замкѣ, онъ велишь оборвать свинецъ съ оконъ, чтобы слить изъ него пули и опспрѣлившись. Наконецъ, пошарявъ всѣхъ своихъ сподвижниковъ, раненый и плѣнный, онъ умираетъ на рукахъ жены и сестры своихъ. Въ Драмѣ сей находишь также противоположные характеры

двухъ женщинъ, супруги Берлихингена, крошкой, покорной волю своего мужа, и злобной Аделаиды, которая заславивъ слабодушнаго друга Гецова, Вейслингена, нарушивъ данное другу его обѣщаніе, вышла за него за мужъ, измѣнила ему и вовлекла въ измѣну пажа его; наконецъ довела сего несчастнаго юношу до того, что онъ оправилъ своего господина. Лице сей пресупной Аделаиды подало Сочинишелью мысль къ одной прекраснѣйшей сценѣ — засѣданію Тайнаго Судилища. — Въ другой своей Драмѣ: *Графъ Егмонтъ*, онъ выводитъ сего Батавскаго Героя, осужденнаго на смерть Филиппомъ II за покровительство, которое онъ оказывалъ Реформаціи. Казалось бы, что предметъ проспой, основанный на политикѣ, не могъ сильно одушевить Поэту и разстроганъ зрителей или читателей; но Гётте умѣлъ искусно вмѣшавъ въ него любовь Эгмонта и Клары, дочери Брюссельскаго мѣщанина. Эгмонтъ любилъ ее, какъ существо доброе и чисто-сердечное, близъ котораго онъ опдыхалъ отъ заботъ и огорченій своей об-

щесшвенной жизни; но Клара спрашна Эгмоншомъ до изступленія: она любитъ его славу, любитъ въ Эгмоншѣ Героя — и эша любовь облагороживаетъ ее въ глазахъ чисташелей и придаетъ ей особенную силу и возвышенность духа даже и тогда, когда Сочинишель, для прошивоположности ея сосшоянія съ чувсшвами и мечшами, предсшавляетъ ее въ домашнемъ бышу ея родителей. Она не можешъ перенесши мысли о близкой гибели Эгмоншовой, умираешъ, — и уже является Эгмоншу во снѣ передъ шюю минушою, когда онъ долженъ ишши на эшафотъ. Сими опшѣнками въ любви двухъ дѣйсшвующихъ лицъ, искусно приготовленнымъ участіемъ и удивленіемъ къ Эгмоншу, возрасшующимъ инпересомъ завязки и прогающими душу положеніями, Гѣшше умѣль поддержать занишательность своей Драмы.

Въ послѣдсшвіи, когда на Германскихъ Театрахъ безпрешанно давали мѣщанскія Драмы и Мелодрамы, когда сцена была наполнена рыцарями, лошадьми и шумомъ — Гѣшше вздумалъ снова привесши Литерашуру къ строго-

му вкусу древнихъ. Съ сею цѣлью написаль онъ *Ифигенію въ Тавридѣ*. Содержаніе сей Трагедіи всѣмъ извѣстно; Гётте изложилъ его весьма просто. Какая-то порожественная пишина, какая-то величавость дѣйствія наполняютъ душу зрителя впечатлѣніями, подобными тѣмъ, копорыя мы чувствуемъ при размашриваніи древнихъ образцевъ ваятельнаго искусства. Удивительно здѣсь приведены воспоминанія Ореста и Ифигеніи о произшествіяхъ, случившихся въ родѣ Апридовъ: кажется видишь, какъ передъ глазами смѣняющяся каршины, коими Исторія и Басносновіе обогатили древность. Изъ мѣстъ Лирическихъ, разсѣянныхъ въ сей Трагедіи, превосходно то, гдѣ Ифигенія, въ грусти, поетъ древнюю пѣснь, извѣстную въ ея родѣ и копорою кормилица убаивала се въ колыбели: эпо пѣснь, пѣтая въ адѣ Танталу Парками, кои предвѣщали ему бѣдствія его поколѣнія. Ужасныя каршины, мѣра стиховъ, согласующаяся съ чувствами, придають отрывку сему краски народности. Нужно величайшее усиліе таланта, чтобы,

шакъ сказать, сроднишься такимъ образомъ съ древностью, чѣобы схватишь черпты, бывшія народными у Грековъ и произвесни посредствомъ ихъ, въ семь необъятномъ разстояніи вѣковъ и нравовъ, споль сильныя и свѣжія впечатлѣнія.

Въ Драмѣ: *Торквато Тассо*, Гётше употребилъ ту же простишу дѣйствія, какъ и въ *Ифигеніи*. Онъ хотѣлъ изобразить противорѣчія, встрѣчающіяся въ мечтательности Поэта съ свѣтскими приличіями. Для сего онъ ввелъ въ свою Драму четьре лица: Принца, Принцессу, Царедворца и Поэта, дѣйствующихъ въ маломъ кругу со всѣмъ упорствомъ самолюбія, которое, въ другомъ масштабѣ, могло бы превозжигать цѣлый міръ. Извѣстная болѣзненная чувствительность Тасса и вѣжливая жестокость его покровителя, Альфонса д' Эсте, который, при всемъ своемъ удивленіи къ *Освобожденному Иерусалиму*, заперъ въ домѣ сумасшедшихъ шворца его. Въ лицѣ Леоноры д' Эсте, къ которой Тассъ пылалъ тайною любовью, Гётше представилъ смѣ-

шеніе возвышенности чувствъ и слабости характера, предавагося всей власти приличій. Въ Царедворцѣ представилъ онъ придворнаго мудреца, по понятіямъ свѣта; въ обращеніи своемъ съ Тассомъ, Царедворецъ сей пользуется тѣми преимуществами, кои умъ дѣловаго челоѵка признаетъ въ себѣ надъ умомъ Поэта; сохраняя хладнокровіе, онъ искусно раздражаетъ своего противника, но такъ, что по наружности бываетъ всегда правъ. Однакожь въ сей пьесѣ, опличающейся благородствомъ и красою слога, слишкомъ много рѣчей и слишкомъ мало дѣйствія; такъ, что когда Поэтъ даетъ ей нѣсколько движенія, то кажется, будто онъ дышетъ оупь безпрестаннаго вниманія, какого пребуютъ мысли, обильно въ ней разсѣяныя, особливо въ роль Тасса, который часто вдаетъся въ Метафизику. Мы любимъ погружаться въ размышленія, находясь въ спокойномъ состояніи; но когда идемъ, тогда медленность насъ упомляетъ.

Своенравіе вкуса Германскаго скоро наскучило именами и эпохами извѣстнѣ-

выми, историческою вѣрностью картинъ и сходствомъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ съ подлинниками. Нѣкоторые писатели выдумали, такъ сказать, отвлеченныя Драмы, въ коихъ отношенія людей между собою изображены въ общихъ чертахъ, не заботясь ни о времени, ни о мѣстѣ, ни о собственныхъ именахъ лицъ. Гётте также написалъ въ семь родѣ *Дочь любви*, гдѣ дѣйствующія лица названы просто: Король, Князь, Отецъ, Дочь и ш. и.

Спраниѣ всѣхъ прочихъ, — и смѣло можно сказать, удивительнѣе по многимъ отношеніямъ, — пьеса его *Фаустъ*, родъ ярмоничной фарсы, но фарсы шакой, какую могъ написать только Гётте. Одинъ изъ трехъ изобрѣшашелей книгопечатанія, Докторъ Фаустъ, и донынѣ слывешъ въ Германіи колдуномъ, подобно какъ Карданъ во Франціи и Твердовскій въ Польшѣ. Простолудіе говоритъ, что сей Фаустъ, не смотря на глубокую свою ученость, наскучилъ жизнью, заключилъ союзъ съ злымъ духомъ, который подъ конецъ унесъ его съ тѣломъ и душою. На

эпюмъ народномъ повѣрью, Гётте основалъ свое необыкновенное сочиненіе.

Въ немъ не должно искашь ни сурогаго вкуса, ни мѣры, ни искусства, которое избираешь предметъ и рачительно его оканчиваешь; но еслибъ можно было вообразишь хаосъ умственный, то Фаустъ Гёттевъ могъ бы дать о немъ понятіе. Нигдѣ не найдешь большей смѣлости мыслей, и воспоминаніе, остающееся по прочтеніи сего сочиненія, похоже на круженіе головы послѣ угара. — Фаустъ соединяетъ въ себѣ всѣ слабости человѣчества: спрашь къ познаніямъ и усладость отъ труда, нужду успѣховъ и пресыщеніе въ удовольствіяхъ. Это совершенный образецъ творенія непостояннаго и переменчиваго, когото чувствованія, по сравненію, гораздо еще кратковременнѣе жизни, на которую оно жадуется. Но главное лице сей Драмы не Фаустъ, а злой духъ, съ которымъ онъ въ союзѣ. Сочинитель не представилъ сего духа въ видѣ оштрапительнаго призрака, но сдѣлалъ изъ него идеальнаго злаго челоука, передъ коимъ всѣ злые люди —

не больше, какъ слабые ученики. Мефистофельсь (шакъ назваль его Гёшпе) говоришь обо всѣхъ вещахъ съ адскою насмѣшливостью: онъ смѣется надъ умомъ, надъ ученостью, надъ правилами, надъ удовольствіями; ввергаетъ Фауста во всѣ пороки, во всѣ пресшупленія, дѣлаешь его соблазнительемъ, убійцею, опшшупникомъ — и самъ надъ нимъ насмѣхаешь. Въ этомъ-то и есть опшшительное свойство злобнаго, свойство духа шьмы, чшобъ умершвишь въ душѣ челошвка чувствво высокаго, удовольствіе опшш прекраснаго; чшобы показывать адскую радость въ шоржесшвѣ порока, на развалинахъ добродѣтели.

Одинъ молодой Лейпцигской Сшуденшъ приходишь къ Фаусту, просишь его совѣша, какимъ наукамъ долженъ онъ посвянить себя? Фаустъ просишь Мефистофелеса отвѣчать вмѣсто его просшодушному Сшуденшу. Мефистофельсь наряжаешь въ Докшорское плашье и начинаешь свой разговоръ съ Сшуденшомъ, описываетъ ему чешыре ученые факультеша въ такомъ видѣ, что спшываетъ

на вѣкъ всѣ понятія неопытнаго юноши. Мефистофелесъ приводитъ ему тысячи разныхъ доводовъ, Спуденшъ всѣ ихъ принимаетъ одинъ за другимъ и дивится ихъ заключенію, по тому что ждетъ чего нибудь положительнаго и важнаго, а духъ только концунствуетъ. Спуденшъ охотно готовъ чему нибудь удивляться, а на повѣрку выходитъ, что слышанное имъ внушаетъ только презрѣніе. „Не каждое ли слово заключаешь какую нибудь мысль? говоришь онъ. — Да, если можно, — отвѣчаетъ Мефистофелесъ: только не нужно слишкомъ ломать надъ эшимъ голову: ибо, гдѣ недостаетъ мыслей, слова какъ пухъ являющіяся, чтобы ихъ замѣнить.“

Мефистофелесъ приводитъ Фауста къ одной колдунѣ, у которой подъ власшю находящіяся уродливыя животныя, до половины обезьяны и до половины кошки (Meer-Katzen), говорящія странныя слова, гдѣ искусно повпоряющіяся одни и тѣ же звуки. Сіи слова уже по составленію своему возбуждаютъ смѣхъ, и еслибы они были въ прозѣ, то казались

бы только нелѣпыми; но прелестъ стиховъ нѣсколько ихъ облагороживаетъ. Слушая рѣчи сихъ обезьянь кошекъ, кажешся, разгадываешь, какія были бы мысли живописныхъ, еслибъ они могли выражать ихъ по человѣчески, и какое грубое, смѣшное понятіе составлялибъ они себѣ о природѣ и человѣкѣ.

Въ сей пьесѣ, кошорую почти можно назвать *шалостью ума и воображенія*, всѣ правила Театра нарушены; мѣра стиховъ измѣняется въ ней сообразно положеніямъ, и происходящее отъ того разнообразіе удивительно. Если предположишь въ ней нравственную цѣль, то кажешся Гётте хотѣлъ показашъ, что человѣкъ, выходя за предѣлы ему предписанные, бываетъ окруженъ какимъ-то хаосомъ мыслей и дѣйствій, нарушающимъ спокойствіе его совѣсти и миръ душевный, въ наказаніе за то, что самъ онъ дерзнулъ нарушить опредѣленный ему кругъ дѣйствія и въ безумной гордости своею мечталь разпоргнуть чинъ природы.

Не возможно, прибавляетъ Г-жа Спаль,

чишаешь Фауста, чѣпобъ онъ не пробу-
 дилъ тысячи разныхъ мыслей: ссоришься
 съ Сочинителемъ, винишь его, оправды-
 ваешь; но онъ заспавляетъ размышляешь
 обо всемъ — и, говоря языкомъ одного
 прямодушнаго ученаго среднихъ вѣковъ, —
о гелѣ-то еще больше, нежели обо всемъ (*).
 Справедливость пребуешь однакожь ска-
 заешь, что сія пьеса никакъ не можешь
 служишь образцемъ. Разсмаприваешь ли
 ее, какъ швореніе изсшупленнаго ума, или
 какъ порожденіе пресыщеннаго разсудка
 — все должно желаетъ, чѣпобы подобныя
 произведенія больше не появлялись; но
 когда Геній, шакой какъ Гётше, разшор-
 гнешъ всѣ оковы условій, погда мысли у
 него пѣсняшся въ шакомъ множествѣ,
 что онѣ повсюду перескакивають и оп-
 рокидываютъ границы искусства.

Мѣлкія Спихошворенія Гётше, кро-
 мѣ оригинальности, копорою онъ запеч-
 ашлѣлъ всѣ свои произведенія, заспав-
 ляють предполагать въ немъ или обшир-
 нѣйшую ученость, или, что гошовясь пи-

(*) De omnibus rebus & quibusdam aliis.

самъ каждое изъ нихъ, онъ внимательно вглядывался въ тѣ предметы, кои составляющъ — по выраженію живописцевъ — *натуру и придаточное дѣйствіе* (accessoires) его картинъ. Такъ въ Элегіяхъ своихъ, написанныхъ въ Римѣ, онъ заставляетъ насъ, кажешся, дышать воздухомъ Италіи, рассказываетъ свои удовольствія и какъ будто бы самъ дѣлается Римляниномъ (*). Если онъ говоритъ о Греціи, то въ стихахъ его чувствуешь какое-то соприсутствіе древнихъ сыновъ Эллады, съ ихъ вѣрою, обычаями и суевѣріями. Такимъ образомъ въ Балладѣ своей: *Коринѣская невѣста*, онъ мастерски воспользовался древнимъ Греческимъ преданіемъ о любви Махатеса и тѣни Филлиіоны, о которомъ рассказываетъ Флегонъ. Но въ сей старинной повѣсти Гётте поражаетъ читателя новыми, не-

(*) У читателей нашихъ конечно еще въ свѣжей памяти одна изъ сихъ Элегій: *Путешественникъ*, переложенная Г. Жуковскимъ и помѣщенная въ VIII кн. Сина Опечеснва на сей 1823 годъ.

ожиданными соображеніями: онъ выбралъ для дѣйствія именно ту эпоху, когда половина Греціи обратилась въ православіе Хрисціанское, а другая половина оставалась во мракѣ язычества. Участие, возбуждаемое имъ къ невѣстѣ Коринѣской, или лучше скажемъ, къ ея тѣни, основанъ на разности вѣрѣ, разделяющихъ ее съ женихомъ. Поэтъ такъ искусно наспроиваетъ воображеніе чинашеля, что какъ бы заставляешь его видѣть на яву призракъ, и нѣкошорая дрожь невольно пробѣгаетъ по сосавамъ, когда предсавляешь себѣ борьбу любви и ужаса, сочешаніе жизни съ гробомъ. Познакомя съ повѣрьями Грековъ, Гёпше ведетъ насъ въ Индію, въ прелесшней Балладѣ своей: *Баядерка*. Пляски сей дѣвы веселія, благовонія и цвѣпы, ее окружающіе, словомъ, всѣ краски Поэзіи въ этой пьесѣ такъ, можно скажемъ, воспочны, что по нашимъ Европейскимъ нравамъ нельзя доспойно оцѣнить сей картины, имъ вовсе незнакомой. Чашо Гёпше плѣняетъ насъ впечатлѣніями самыми просшыми, заимсшвованными изъ о-

кружающей насъ природы, какъ въ *Рыбакѣ*. Иногда въ чудесномъ находишь оныя средство насъ позабавишь, на примѣръ, въ *Питомцѣ Колдуна*, разсказывая, какъ сей неудалый ученикъ, подслушавъ нѣсколько шайнственныхъ словъ у своего учишеля, вздумалъ ими воспользоваться, приказалъ мешлѣ носить воду — и мешла наносила столько, что почти зашопила домъ. Ученикъ, позабывъ слова запрешительныя, въ сердцахъ перерубилъ мешлу по поламъ — и обѣ половины начали еще больше таскать воды. Ученикъ бранился — но ничто бы не помогло, еслибъ учишель его не пришелъ во время и не пособилъ его горю, посмѣявшись надъ его самонадежносшью. — Неудачное подражаніе великимъ шайнамъ искусствъ весьма живо изображено въ эпномъ небольшомъ Стихошвореніи.

Повшоримъ, что одно изъ ошличительныхъ свойствъ шаланша Гёшше, есть почти неимовѣрное его разнообразіе. Иногда оны, шакъ сказашь, дышетъ страшно, какъ въ *Вертерѣ* и *Графѣ Эгмонтѣ*, иногда разпрогиваемъ все стру-

ны воображенія мѣлками своими Спихо-швореніями; иногда изображаетъ намъ Испорію со всею испиной, какъ въ *Геццъ Фонъ-Берлихингенъ*; то, подобно древнимъ, является во всей простотѣ, какъ въ *Германъ* и *Доротея*. Наконецъ, съ *Фаустомъ* бросаешь въ вихрь жизни, и вдругъ по-номъ въ *Тассъ*, въ *Дочери Любви* и даже въ *Ифигеніи*, онъ постигаетъ драматическое искусство, какъ памятникъ, воздвигнутый при гробахъ: тогда его шворенія имѣютъ прекрасныя формы, блескъ и бѣлизну мрамора, но также и хладную его недвижимость. Не лзя крипиковать Гётте, какъ Писателя, хорошаго въ одномъ, и дурнаго въ другомъ родѣ: его приличіе всего сравнишь съ Природою, которая производитъ все и изъ всего.

Шиллеръ, какъ Писатель Драматическій, намъ давно извѣстенъ. Его Трагедіи: *Разбойники*, *Заговоръ Фіеска*, *Коварство* и *Любовь*, *Марія Стюартъ*, и наконецъ *Іоанна д' Аркъ*, отъ времени до времени являлись на нашемъ Театрѣ; и по-тому было бы лишнѣе, помещать здѣсь изложеніе, или мнѣніе о сихъ пьесахъ,

знакомыхъ нашей Публикѣ. Последняя изъ помянутыхъ здѣсь Трагедій, переложенная стихами, надѣемся, скоро появленіемъ своимъ удовлетворитъ наши нестерпимыя ожиданія. Нѣкоторыя отрывки изъ *Донъ Карлоса* и *Вильгельма Теля*, другихъ Шиллеровыхъ Трагедій, были также переведены и напечатаны въ разныхъ Рускихъ Журналахъ.

Здѣсь мы намѣрены нѣсколько разпространиться объ одной только Трагедіи Шиллера, *Валштейнѣ*, Трагедіи, которая для Германцевъ имѣетъ передъ другими достоинство народности. Содержаніе оной почеркнуто изъ происшествій 30 лѣтней войны, когда вражда политическая и война за вѣроисповѣданіе раздирали Германію. Шиллеръ раздѣлилъ Трагедію свою на три части: первая, родъ пролога, названа имъ: *Лагерь Валштейна*. Если примѣнишь одно искусство къ другому, то *Оптический обманъ* Поэзіи въ семь Прологѣ неподражаемъ: кажется, видишь себя подлинно среди спана военнаго. Солдаты старые и новонабранные, маркишанцы, крестьяне — все сіе оживѣ-

ляешь картину и способствуешь къ ея точности. Какъ должно бытъ сильно воображеніе Писателя, чтобы предсавишь себѣ съ такою вѣрностью жизнь военную, свободу и шумную веселось, еще больше пробуждаемую близкими опасностями! Нанѣреніе Шиллера было, родись въ зрителяхъ участіе и удивленіе къ Валштейну: въ шапкахъ и на полѣ битвы, воины безпрестанно говорятъ о своемъ Полководцѣ; ему преданы ихъ сердца и души — въ немъ ихъ надежда.

Вторая часть, подъ заглавіемъ: *Пикколомини*, содержитъ въ себѣ измѣну Валштейна и распрю его съ другими военачальниками. Валштейнъ, сражавшійся за Австрію противъ Государствъ, вводящихъ Реформатское исповѣданіе, прельстился ложною и безумною надеждою, присвоить себѣ всѣ средства, досель имъ употребленныя для блага общаго, и сдѣлаться независимымъ. Другіе военачальники ему прошиваясь — не ошь чистой добродѣтели, а изъ зависти. Спросяшь: чтожь въ этой пьесѣ возбуждаетъ участіе? — Вѣрная картина страстей че-

ловѣческихъ и событій того времени. Однакожь Шиллеръ умѣлъ создать два лица, возбуждающія участіе романическое. Онъ изобразилъ Макса Пикколомини и Теклу, какъ повторенія, соблювшія любовь и чистоту душевную среди борьбы страшной политическихъ. Текла дочь Валшпейна, Максъ — сынъ ложнаго друга его, Пикколомини. Они любящъ другъ друга, не смотря на раздоръ ихъ родителей, не смотря на судьбу; ищущъ другъ друга — и встрѣчаются въ жизни и смерти. Въ пылу замысловъ честолюбія, сіи два существа являющся, какъ жертвы обреченныя, и сіе чистое ихъ самоопроверженіе составляетъ превосходную противоположность съ эгоизмомъ другихъ. — Въ этой второй части, или правильнѣе, второмъ Прологѣ, нѣтъ развязки онъ кончился, какъ перерванный разговоръ.

Наконецъ третья часть заключаешь въ себѣ *Развязку*, или собственную Трагедію. Въ ней Валшпейнъ является со всеми его свойствами: неуспрашимъ и суевѣренъ, честолюбивъ и вершитель,

онъ попеременно ввухаетъ къ себѣ то удивленіе, то негодованіе и сожалѣніе. Прощаніе Макса Пикколомини съ Теклою, при звукахъ военныхъ трубъ, и рѣшительность Теклы провести остатокъ дней своихъ при гробѣ ея любезнаго, когда она узнаетъ о смерти его — одни изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ сей Трагедіи.

Извѣстный Бенжамень-Констанъ де Ребекъ передѣлалъ сію Трагедію стихами для Французскаго Театра, соединя въ одну всѣ при часпи Трагедіи Шиллеровой.

Мѣлкія Стихотворенія Шиллеровы отличаются чувствительностью, такъ какъ Гёпшевы силою воображенія. Многія изъ нихъ знакомы намъ по переводамъ разныхъ нашихъ Стихотворцевъ (*)

(*) *Кассандра, Ахиллъ, Желанія* и пр., перевелены Жуковскимъ; *Мать-убійца*, Милоновымъ; *Надежда*, М. Дмитриевымъ, *Пѣснь Радости*, Мансуровымъ. — Почитаемъ за лишнее говорить о многихъ переводахъ и подражаніяхъ Шиллеру тѣхъ изъ нашихъ Стихотворцевъ, которыми Шиллеръ не давался въ руки.

вообще можно сказать, что изъ Германскихъ Поэтовъ Романтической школы, Шиллеръ извѣстнѣе прочихъ въ Россійской Литтературѣ. Одна изъ Лирическихъ его пьесъ: *Идеалы*, была у насъ переложена двумя отличными Поэтами. Г. Жуковский въ переводѣ своемъ назвалъ ее: *Мечты*, а покойный Милоновъ, въ весьма близкомъ и прекрасномъ подражаніи — къ *Юности* (*).

Превосходное Спихопвореніе Шиллера: *Колоколъ*, состоятъ изъ двухъ различныхъ частей. Повторяемая въ немъ строфа, въ видѣ припѣва, изображающъ работу кузнецовъ, или мѣдниковъ; но между сими строфами находящіяся восхищительныя стихи о торжественныхъ случаяхъ, о необыкновенныхъ происшествіяхъ, возвѣщаемыхъ звукомъ колоколовъ, каковы напр., рожденіе, бракъ и смерть челоѣка; пожаръ, возмущеніе и п. п.

*) Сравненіе обѣихъ сихъ преложеній и сличеніе ихъ съ подлинникомъ Шиллера, помѣщено въ 23 и 24 N *Благонамѣреннаго* на 1821 годъ.

Спрофы въ короткихъ стихахъ сослав-
лены изъ словъ, въ опривиспомъ и бы-
спромъ звукъ кошорыхъ, кажешя, слы-
шишь повторяющіеся удары молота и
скорые шага работниковъ, образующихъ
кипящую мѣдь. Въ прозаическомъ пере-
водѣ не лзя сего выразить (*): эшо зна-
чило бы чишашъ, а не слушашь музыку;
и шумъ еще воображеніе легче можешъ
себѣ представитъ впечатлѣнія, произво-
димыя музыкальными инструменнами,
кошорые мы знаемъ, нежели согласіе и
разногласіе стихотворной мѣры и языка,
намъ незнакомыхъ. Здѣсь, шо правильная
краткоспъ размѣра даешъ чувствовашъ
проворство ковачей, ограниченную, но
безпрерывную силу дѣйствія въ шрудахъ
вещественныхъ; шо, вслѣдъ за сямъ гру-
бымъ и рѣзкимъ шумомъ, слышашся воз-
душныя пѣсни вдохновенія и задумчиво-
спи.

(*). Да позволено намъ будешъ желать, чшобы
славный нашъ Поэшь, споль вѣрно пе-
редавшій намъ многія произведенія вели-
кихъ Поэшовъ Германскихъ, подариль
насъ и эшимъ Стихотвореніемъ.

Шиллеръ часто представляетъ намъ самыя глубокія размышленія подъ покровомъ благородныхъ вымысловъ: онъ говоритъ съ человѣкомъ, какъ сама Природа; ибо Природа, въ мѣрѣ вещешвомъ, есть величайшій мудрецъ и Поэтъ. Чшобы сообщить намъ понятіе о времени, она разливаешь передъ нами струи рѣки неизтощимой; а чшобы вѣчная юность ея заспавляла насъ мыслишь о краткости бытія нашего, она убирается цвѣтами, скоро увядающими, ошряхаешь осенью съ деревъ лишвы, красовавшіеся весною. Возвышенная Поэзія должна бышь земнымъ зеркаламъ Божества, и въ цвѣсахъ своихъ, звукахъ и мѣрахъ, ошражаться всѣми красшами созданія.

Бюргеръ, между Германскими Поэтами, ошличается народношью своихъ произведеній; въ прекрасныхъ стихахъ онъ оживилъ преданія сшарины и повѣрья своихъ единомцевъ. Мы знакомы съ однимъ изъ лучшихъ его Сшхошвореній, съ его Балладою *Анора*, по *Людшиль*, превосходному подражанію Г. Жуковскаго, которшй умѣлъ сдѣлать ее народною

и для Рускихъ, тѣмъ болѣе, что самое содержаніе было уже опчасши намъ извѣстно (*).

Мы бы не кончили, еслибъ вздумали изчислишь все хорошее въ Поэзіи Германской. Машиссонъ, Тикъ, А. В. Шлегель, Вернеръ и другіе отличные Поэты обогатили ее въ разныхъ родахъ столько, что должно бы посвящать цѣлыя книги на изчисленіе и разсмотрѣніе ихъ произведеній (**). Говоря о Поэзіи Германцевъ, непроспешельно было бы позабышь, что и у нихъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ отыскана старинная Поэма, писанная въ XIII столѣтіи, подобно какъ у насъ най-

(*) Въ разказахъ старыхъ нашихъ нянюшекъ есть что-то сходное съ этою Балладой: особливо мнѣ памятна приговорка: „мѣ-
„сяць свѣшишь, мершвецъ ѣдешь: не бо-
„ишься ли ты, дѣвица?“

(**) Въ сей Спашѣ мы упомянули о двухъ Трагедіяхъ Гётте: *Гецц Фанъ Берлихингенъ* и *Графъ Эгмонтъ*, равно какъ и о нѣкоторыхъ Трагедіяхъ Шиллера, написанныхъ Прозою. Но Гётте и Шиллеръ Поэты, даже и безъ стихотворной мѣры.

дена древняя Пѣснь о полку Игоревѣ. Заглавіе сей Поэмы — *Нибелунги*. Она содержишь въ себѣ подвиги Героя сѣверной Германіи Сигефрида, умерщвленнаго Королемъ Бургундскимъ, мщеніе за смерть его и пр. Духъ воинственный и вѣрность, оплечивельныя черты людей того времени, изображены въ этой Поэмѣ языкомъ чистымъ и простымъ: тогда не знали еще украшать повѣствованія мыслями общими и опвлеченными, и описывали событія и нравы такъ, какъ одни случались а другіе казались.

СТАТЬЯ Ш.

Словесность народа есть говорящая картина его нравовъ, обычаевъ и образа жизни. Въ каждомъ Писателѣ, особливо въ Стихотворцѣ, какъ бы невольно пробивающія черты народныя. Такимъ образомъ почти можно угадать сочиненіе Нѣмца, Англичанина или Француза, хотя бы въ переводѣ, хотя бы даже переводчикъ скрылъ имя Автора и утаилъ, съ какого языка переложено сочиненіе. Нѣмецъ почти обыкновенно живешь вдали отъ большихъ городовъ, часпо въ тихихъ сель; онъ съ молодыхъ ногшей получаетъ наклонность къ уединенію и мечтательности, которыя необходимо влекутъ его къ разсмахриванію Природы

и къ обращенію съ самимъ собою; всѣ сношенія его съ свѣтомъ ограничивающіяся малымъ, шѣснымъ кругомъ родныхъ и друзей. Онъ сего въ сочиненіяхъ своихъ онъ лучше всего описываетъ прелести Природы, тишину полей, мирную жизнь сельскую, или изображаетъ собственныя чувства, старается передать едва примѣтные оттѣнки разныхъ ощущеній, волновавшихъ его безмятежное сердце. На свѣтъ и людей онъ смотритъ какъ бы сквозь увеличительное стекло; и если они составляютъ предметъ его картинъ, то онъ почти всегда представляеть ихъ въ исполинскомъ, часто устрашающемъ видѣ. Англичанинъ, ежедневный зритель разнообразныхъ свойствъ нравственныхъ, копорыя споль рѣзкими чертами отличаютъ другъ отъ друга его единоземцы, — съ особеннымъ искусствомъ списываетъ характеры: онъ вглядывается, такъ сказать, въ душу людей и отсюда выводитъ наружу спраси, показываетъ ихъ на лицѣ, въ движеніяхъ и въ дѣлахъ. Родясь подъ небомъ пасмурнымъ и шуманнымъ, онъ впитываетъ съ

воздухомъ унылость и задумчивость: окруженный моремъ и огражденный грозными скалами, онъ хочешь передать другимъ впечатлѣнiя, рожденныя въ душѣ его дикими красотою Природы. Французъ, едва поднявшись на ноги, брошенъ былъ въ шумный свѣтъ; въ сей, можно сказать, *улицной* жизни, онъ рано привыкъ шайшь свои чувства подъ *мѣлкою* приличiй; всѣ опличительныя черты нравственныя въ немъ изгладились ошъ безпрестаннаго пренiя въ обществѣ. То же видишь онъ и въ другихъ своихъ единомысльцахъ: рѣдко, рѣдко встрѣчается ему что нибудь необыкновенное въ мiрѣ нравственномъ, и это необыкновенное дѣйствуетъ на его воображенiе шакъ, какъ уродливостъ физическая на чувства внѣшнiя: то естъ, кажется ему смѣшнымъ. Ежели естъ странности въ Французахъ, то эти странности условныя, терпимыя и почти принятыя въ обществѣ; следовательно едва замѣшныя для Французовъ, кошорые къ нимъ приглядѣлись, и слишкомъ обыкновенныя для чувствительныхъ, кошорые видяшь одно и

поже во многихъ лицахъ. Замѣшимъ, что едва ли почти не всѣ писатели Французскіе были жители Столицы, что прекрасный климатъ, свѣтлое небо и природа обильная своими дарами, чуть ими замѣчающа, по тому ли что они слишкомъ къ нимъ привыкли, или, что имъ приприспально глядѣшь на нихъ нѣкогда. Опъ сего немногіе изъ писателей Французскихъ умѣли хорошо изображать Природу, и по большой части говорили о ней шакъ равнодушно, какъ мы обыкновенно говоримъ о хорошей и дурной погодѣ. Но въ замѣнь того Французы мастерски описываютъ общество, или какъ они называютъ, *свѣтъ* (*le Monde*), ибо разсматривали его со всѣхъ сторонъ; а лица только съ нѣми хорошими или дурными свойствами, приличіями или странностями, которыя онъ имъ даетъ. Въ ихъ картинахъ много прекрасныхъ группъ, но мало сходныхъ, разительныхъ поршрешовъ.

Часто я слыхалъ сужденія, что въ Россіи не можешь быть Поэзіи народной; что мы начали писать слишкомъ поздно,

когда уже всѣ удѣлы Парнасса были заняты; что природа нашего Оплечесства ровна и однообразна, не имѣеть ни шѣхъ блестящихъ прелестей, ни шѣхъ величественныхъ ужасовъ, которыми опличается природа нѣкоторыхъ другихъ странъ, и по тому наша природа не одушевляетъ Поэтовъ; что въкъ рыцарства для насъ несуществовалъ; что никакіе памятники не пережили у насъ старыхъ былей, что преданій у насъ весьма мало, и тѣ почти не поэтическія, и пр. и пр. . . . Несправедливосць сего мнѣнія хотя сама собою опровергается, когда мы посмотришь вокругъ себя и заглянемъ въ старину Рускую; но есць люди, которые на все пребуошъ возраженій и доказательствъ. Въ угодносць имъ, я приведу здѣсь нѣкоторыя.

Новосць Поэзіи, качесства, опличающія ее опъ Стихотворсства другихъ племень, состояшъ не въ названіяхъ родовъ ея; но въ духѣ языка, въ способъ выраженія, въ свѣжесми мыслей; въ нравахъ, наклонносняхъ и обычаяхъ народа, въ свойсствахъ предметовъ окружающихъ и

болѣ дѣйствующихъ на воображеніе. — Докажише мнѣ, что Рускіе не одарены живымъ, пламеннымъ воображеніемъ; увѣрьше меня, что въ нравахъ нашихъ нѣтъ никакой ошмѣны опъ другихъ народовъ; что у насъ нѣтъ, можно сказать, своихъ добродѣтелей и пороковъ; что языкъ Руской весь вылилъ въ формы чужеземныя, — и тогда я соглашусь, что у насъ нѣтъ и не будетъ своей народной Поэзіи.

Но какъ же мы смѣшаемъ въ общихъ свойствахъ всѣхъ народовъ эту швердосць духа, презирающую всѣ опасности и самую смерть? Это безропное повиновеніе Влассямъ законнымъ, и неперпѣніе ига чуждаго? Это радушное гошперимствво Рускихъ, прославленное даже иноплеменниками? . . . Есть кромѣ сего многія, не столь величественныя черты опличія въ нашемъ народѣ, есть многіе и недосшатки; мы ихъ видимъ; и если не примѣчаемъ вошому, что видимъ очень часно; то намъ споишь только обратишь вниманіе на сходные поступки разныхъ лицъ въ разныхъ сословіяхъ,

сравнишь ихъ съ поступками другихъ народовъ въ тѣхъ же случаяхъ, — и тогда мы отдѣльно и ясно увидимъ оппѣнки нравственныя, казавшіеся намъ слишкомъ и какъ бы въ шуманѣ.

Но сколько различныхъ народовъ слилось подъ одно названіе Рускихъ, или зависящъ опъ Россіи, не отдѣлясь ни пространствомъ земель чужихъ, ни морями далекими! Сколько разныхъ обликовъ, нравовъ и обычаевъ представляюща испышующему взору въ одномъ объемѣ Россіи совокупной! Не говоря уже о собственно-Рускихъ, здѣсь являюща Малороссіяне, съ сладостными ихъ пѣснями и славными воспоминаніями; тамъ воинственные сыны шихаго Дона и опважные переселенцы Сѣчи Запорожской: всѣ они, соединяясь Вѣрою и пламенною любовью къ Опчизнѣ, —носящъ черпы опличія въ нравахъ и наружности. Чшо же, если мы окинемъ взоромъ края Россіи, обитаемые пылками Поляками и Липовцами, народами Финскаго и Скандинавскаго произхожденія, обитаателями древней Колхиды, попомками переселенцевъ, видѣвшихъ из-

гнание Овидія, ошатками нѣкогда грозныхъ Россіи Ташарь, многообразными пламенами Сибири и оспрововъ, кочующими поколѣніями Монгольцевъ, буйными жишелями Кавказа сѣверными Лапонцами и Самоѣда и? . . . Оспавляю самому читателю дѣлать соображенія.

Ни одна страна въ свѣтѣ не была ешоль богата разнообразными повѣрьями, преданіями и Миѳологіями, какъ Россія. Поэтъ можетъ въ ней съ роскошью выбирать то, что ему нравится, и опметать, что не нравится. Скажутъ, что всѣ сіи повѣрья, преданія и Миѳологии неясны и мало извѣсны. — Можетъ быть: но мы имѣемъ двѣ, довольно ясныя и съ копорыми Писатели насъ ознакомили: Миѳологию древнихъ Славянъ и Миѳологию Скандинавскую: кромѣ сего, сколько въ Россіи племень, вѣрующихъ въ Магомета и служащихъ въ области воображенія узломъ, связующимъ насъ съ восхокомъ. И шакъ Поэты Рускіе, не выходя за предѣлы своей родины, могутъ перелетать опъ суровыхъ и мрачныхъ преданій Сѣвера къ роскош-

нымъ и блестящимъ вымысламъ Воспока; опъ образованнаго ума и вкуса Европейцевъ къ грубымъ и непришворнымъ нравамъ народовъ звѣроловныхъ и кочующихъ; опъ физиономіи людей свѣтскихъ къ облику какого нибудь племени полудикаго, запечатлѣннаго одною общю черпою опличія.

Упреки, дѣлаемые Природѣ, и пого не основательныѣ. Гдѣ же она разнообразныѣ, какъ не въ Россіи? — нѣсколько зонъ опоясывающъ ея простиранство, нѣсколько климатовъ являющъ въ ней, измѣняя посшепенно видъ земли съ ея произведеніями. Взглянемъ на Сѣверъ — и видимъ вѣчные льды, сѣверныя сіянія; незаходимый день и неразсвѣшающая ночь дѣлящъ шамъ годовыя времена. Ближе къ намъ дикія скалы Финляндіи, великолѣпныя озера, рѣки и водопады. Окинемъ взоромъ холодную Сибирь — шамъ неизчерпаемая сокровища добывающъ изъ нѣдръ горныхъ: богашыя рудники, груды дорогихъ каменьевъ, окаменѣлости и другія чудеса природы, подъ хладнымъ покровомъ снѣговъ шаящіяся, заслужили Сибири

названіе золотаго дна. Обращимся на югъ — шамъ видимъ необозримыя, безлѣсныя равнины, покрышыя шучною правою и усьянныя безчисленными спадами. Очаровательная Таврида, съ ея плѣнительными долинами и величественною горою, смотрящеюся въ двухъ моряхъ (*), служить какъ бы ошдохновеніемъ для взора, ущемленнаго однообразнымъ зрѣлищемъ гладкаго, зеленаго ковра и бѣлыхъ спадовъ. Далѣе — грозный Кавказъ возношится за облачною снѣжною и оковываетъ взоръ и воображеніе дикими своими ужасами. Сколько воспоминаній историческихъ и баснословныхъ! здѣсь скалы, къ копорымъ прикованъ былъ Прометей; шамъ мышь Паревидишь, грустное убѣжище Ифигеніи, далѣе мѣсса, прославленныя ссылкой Назона! Какая изъ новыхъ странъ заключаешь въ себѣ столько богатствъ Поэтическихъ? Здѣсь воспоминанія юга и преданія

(*) Въ ясную погоду, съ Чашыр-дага можно видѣшь два моря: Черное, надъ копорымъ, такъ сказать, гора сия навъ сла, и Азовское, находящееся ошь нее въ разстояніи болѣе 100 версий.

Сѣвера объемятся между собою; Природа и человекъ, прошедшее и настоящее говорятъ Поэту: *выбирай и твори!*

Если перейдемъ къ несполь рѣзкимъ ошличіямъ міра физическаго и нравственнаго, и шупь найдемъ еще обильную жашву для Поэзіи. Пѣснодѣвцы наши прославили уже пышную Волгу, съ ея дальнимъ теченіемъ и благословенными берегами. Но сколько мѣстъ и предметовъ, разсѣянныхъ по лицу земли Руской, оспаются еще для современныхъ Пѣвцовъ и будущихъ поколѣній! Цвѣшущіе сады плодотной Украины, живописные берега Днѣпра, Псла и другихъ рѣкъ Малороссіи, разливистый Донъ, въ кошорый смощрашся красуясь виноградники — всѣ сіи мѣста и множесшво другихъ, ждупь своихъ Поэтовъ и шребуюшъ дани ошъ талантовъ ошечесшвенныхъ. Самыя степи безлѣсныя имѣюшъ свою Поэзію: тамъ тобаны (*) и и шабунщики, не видя во все

(*) Чобанаши или Овтарамш называются въ южной Россіи пастухи овецъ. Стадо ша-

лѣпо даже своего селенія, бродятъ съ своими стадами по долинамъ; опчужденные отъ общества людей, они сдружаются съ безсловесными: рьяный конь и вѣрный пестъ ихъ любимцы. Только, чтобы не позабыть голоса человѣческаго, не встрѣчая даже по цѣлымъ днямъ и своихъ товарищей, въ дикихъ и заунывныхъ напѣвахъ претерживаютъ они слова родимаго языка. Воображеніе не можешь себѣ представить грустнаго впечатлѣнія сихъ пѣсень на проѣзжаго, среди необозримой равнины, изрѣдка опшѣваемой небольшими пригорками, вдали отъ всякаго жилья, гдѣ одни эти звуки пустыннаго чобана напоминають о близости существа словеснаго!

Лѣпописи наши и великій трудъ славнаго Исторіографа, знакомятъ насъ съ событіями старины Руской, и служатъ громкимъ отвѣтомъ тѣмъ, которые жалуются на недоешашокъ преданій испо-

кого чобана состоитъ иногда изъ нѣсколькихъ тысячъ головъ мѣлкаго рога-шаго скота.

рическихъ. Россія до Владиміра и при семь Князѣ, во времена удѣльныхъ Княженій, подъ игомъ Татаръ, при Іоаннахъ, въ годину между-царствія и при вступленіи на престоль Династіи Романовыхъ, заключаешъ въ себѣ по крайней мѣрѣ шолькожь богашыхъ предметовъ, сколько смущные вѣки старобышней Англии, или Франціи. Предметы сіи совѣмъ въ другомъ родѣ: тѣмъ лучше! тѣмъ больше въ нихъ новоси и слѣдовашельно прелесни поэпической. Опишите намъ, по примѣру многихъ Поэшовъ чужеземныхъ, нравы и обычаи людей Рускихъ спараго времени, въ разныхъ вѣкахъ — и если карпины ваши вѣрны, произшесшвіа основаны на Исторіи или имѣють видъ правдоподобія, — то уже независимо отъ достоинства стихотворческаго, шворенія ваши будутъ занимать и плѣнять чинапелей.

Вѣкъ Рыцарства у насъ замѣнялся вѣкомъ Богатырей, котораго бышность подшверждаешся сказаніями Исторіи и преданіями изусшными, сохранившимися въ сказкахъ. Цѣль Богатырей была та-

же какъ и Рыцарей: защищать невинность и карать злыхъ пришельцевъ, хотя неизвѣстно, чшобъ Богатыри Рускіе составляли особый Орденъ, были подчинены особымъ законамъ и носили гербы. Но это не главное: оно состоитъ въ цѣли и въ исполненіи. Имена многихъ Богатырей сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ; въ прочемъ для Поэзіи не всегда необходимы лица историческія: ихъ часто шворитъ она воображеніемъ, придавая имъ по своей волѣ черты физическія и нравственныя, добродѣтели или пороки.

Древніе наши города: Новгородъ, Кіевъ, Черниговъ, Владиміръ, Москва и ш. п. содержатъ многіе, до нынѣ уцѣлѣвшіе памятники вѣковъ прошедшихъ; о другихъ же, сгладившихся съ лица земли, говорятъ намъ развалины, или мѣста запустѣлыя. Поищемъ ихъ, дополнимъ осатки воспоминаніями — и переспанемъ завидовать обрушеннымъ замкамъ давнихъ Бароновъ Германскихъ и Тановъ Англійскихъ.

„Все это показываетъ богатство

пособій, возразятъ мнѣ: но не составляютъ еще Поэзіи народной.“ — Согласенъ; но когда пособія сіи сущесствують, тогда геній можешь выбирать изъ нихъ то, что согласно съ его влеченіемъ, собираешь въ одно разбросанныя черты и создаешь прекрасное цѣлое. Онъ можешь болѣе: можешь въ своейсвахъ и звукахъ языка, въ духъ народномъ, въ воображеніи своихъ единокровцевъ найти новое, никѣмъ незамѣченное; даешь видъ и осязаемость словамъ и понятіемъ, влиешь огонь и чувство въ предметы неодушевленные, сообщая имъ занимательность шѣмъ изъ нихъ, кои доколь не привлекали нашего вниманія. Кусокъ прекраснаго мрамора лежитъ хладенъ и недвижимъ; но рѣзецъ Ваятеля-генія можешь вдохнуть въ него жизнь и теплошю.

Но пусть не думаютъ, чтобы я хотѣлъ ограничить Поэзію Рускую воспоминаніями, преданіями и картинами нашего Отечества: это было бы налагать новыя оковы на Генія, а Геній не терпитъ оковъ. Весь міръ видимый и мечтательный, есть собственность Поэта: онъ везъ

дѣ собираешь цвѣты, вездѣ пьешь жизнь и силу, и въ таинственномъ своемъ вдохновеніи, являешь мысленнымъ взорамъ свѣтъ незримый и дивный.

Сердце Руское невольно претепещетъ ошь благоговѣнія и радости, народная гордость невольно пробуждается при воспоминаніи о Пѣвцѣ возвышенномъ, который первый извлекъ изъ отечественнаго слова шѣ сладостные звуки, шу неподражаемую гармонию небесъ, кои насъ восхищаютъ, очаровываютъ, увлекаютъ. *Державинъ* сообщилъ новую силу языку Рускому, разгадалъ его средства и возможности, влилъ въ Поэзію мысли высокія и ошвлеченныя, облекъ ихъ въ образъ видимый и оощущительный — и удивилъ народы ошдаленнѣйшіе. Его Поэзія неподражательна и неподражаема: онъ самъ и для себя создалъ новый родъ Стихотворства Лирическаго, облагородилъ многія слова, кошорыхъ сила и зачипельность ослаблены были употребленіемъ — и посмѣвался немощнымъ усиліямъ шѣхъ, кои пресмыкались вслѣдъ за орлинымъ полетомъ его Генія. Творенія сего Пѣвца сущъ говорящіе

памятники нашей славы народной; и Руской, съ величавою осанкою самодовольствія, скажешь иноплеменнымъ: „Я соотечественникъ Державина!“

Съ нѣкошораго времени, казалось, мы начали понимать ограниченность правилъ школьныхъ, не развертывающихъ дарованія, но спускающихъ его зависимостью и стѣснющихъ условіями. Поэзія классическая (по понятіямъ Французовъ и ихъ послѣдователей) перестала для насъ бытъ камнемъ Сизифовымъ, безпрестанно кашимымъ вверхъ и безпрестанно скатывающимся съ горы въ безмолвную долину посредственности и забвенія. Жуковский первый отпринулъ сію столь часто неблагодарную работу, и еще чаще вѣрное прибѣжище умовъ и дарованій обыкновенныхъ. Познакомивъ насъ съ Поэзіей сосѣднихъ Германцевъ и отдаленныхъ Бардовъ Бришаніи, онъ открылъ намъ новые пути въ міръ воображенія. Юный Пушкинъ нашель другой слѣдъ въ сей же самый міръ: въ вымыслахъ и мечтахъ его, въ языкѣ и способѣ выраженія, больше разкрывающа черты народ-

нья Рускія. Прекрасныя стихотворенія
 Пушкина то дышащъ суровымъ сѣверомъ
 и завиваются въ сѣдыхъ его шуманахъ,
 то раскаляются знойнымъ солнцемъ полу-
 деннымъ и освѣщаются яркими еголуча-
 ми. Поэтъ обнялъ все пространство род-
 наго края, и въ своенравныхъ играхъ своей
 Музы, показываетъ его намъ то съ одной
 то съ другой стороны: является намъ на
 хладныхъ берегахъ Балтійскихъ—и вдругъ
 попомъ разкидываютъ шапелъ подъ
 палящимъ небомъ Кавказа, или рѣзвятся
 на цвѣшущихъ долинахъ Кіевскихъ.

Новость всегда приманчива и всегда
 находить подражателей: Жуковскій и
 Пушкинъ имѣютъ ихъ слишкомъ много.
 Каждое слово, каждое выраженіе, даже
 мысли и цѣлыя стихи сихъ двухъ Поэ-
 товъ ловащяся на перерывъ молодыми
 Кандидашами Парнасса, которые прелест-
 ными чужими цвѣшками думаютъ скра-
 сить волчцы и шерны запусѣлыхъ цвѣш-
 никовъ своихъ. Еслибъ сіи подражатели
 захошѣли вникнуть и понять, что Жу-
 ковскій и Пушкинъ плѣняютъ и восхи-
 щаютъ насъ не одними словами новыми,

но богатствомъ мыслей, живостью и разнообразіемъ картинъ; не условными выраженіями, но особеннымъ искусствомъ, или лучше сказать, даромъ — употребляешь у мѣста выраженія, ими созданныя; что Жуковскій, перелагая по большой части Поэтовъ Германскихъ, долженъ былъ вѣрно передавать ихъ шворенія, не измѣняя ихъ сущности и цѣли, часто неясной и опдаленной. . . . Но нѣтъ! они упрямо хопяшь ипши по проложенной дорогѣ, не думая и не хопя думать, что она не по нихъ. Поэзія шребуешь свободы, шребуешь порывовъ смѣлыхъ, управляемыхъ только вкусомъ вѣрнымъ и строгимъ; а подражатель ешь рабъ своего образца. Скажу о шкровениѣ: онъ ешь дурной слѣпокъ съ сего прекраснаго образца, котораго формы, ешественныя и благородныя, упорно прошивились усиліямъ руки неискусной (*).

(*) L'imitation est toujours borgne et boiteuse: borgne, parce qu'elle ne peut appercevoir toutes les qualités de son modèle; boiteuse, parce qu'elle cloche en le suivant.

Можемъ ли Поэзія сдѣлаться народною, когда въ ней мы опдаемся опъ нравовъ, поняшій и образа мыслей нашихъ единокземцевъ? Лучшія спрофы Поэмы Тассовой поются въ Ишаліи гондольщиками; Испанцы и Поршугальцы всякаго званія выпверживаютъ многіе стихи Кальдерона и Камонса; проспой народъ въ Англіи любитъ Шекспира и восхищается имъ; Стихотворенія Гёпше и Бюргера опзываются во всѣхъ концахъ Германіи. Но Трагедіи Корнеля и Расина почти неизвѣсны въ народѣ Французскомъ: только жители Сполицы, или люди получившіе образованіе, восхищаются ими. Причина ясна: онѣ не въ духъ народа; имена Героевъ ему чужды, опдалены вѣками, а характеры ихъ, будучи основаны на нѣкоторыхъ условныхъ приличіяхъ, выходятъ за сферу поняшій челоука просшаго, необразованнаго. Самый языкъ ихъ, языкъ Двора и высшихъ сословій, едва ли поняшенъ для народа. — Можемъ ли и мы думать, чшобы шоскливыя, Нѣмцеобразныя рапсодіи нынѣшнихъ нашихъ поминельныхъ шруженниковъ по

Аполлонъ, понравились и заронились въ память Рускому народу, живому и пылкому, одаренному чувствительностью естественною, непришворною?

Мы восплаемъ прошивъ Поэзіи классической новыхъ временъ; хотимъ разшоргнуть границы, коими она сшсьняешъ воображеніе — и добровольно подниаемся новымъ условіямъ, налагаемъ на себя новыя узы. Что же можешъ быть ограниченіе, однообразіе шъхъ стиховъ, кошорыми ежедневно наводняешся Словесность наша? Всъ роды стихотвореній шеперь слились почти въ одинъ Элегическій: вездъ унылыя мечшы, желаніе неизвѣснаго, упомленіе жизнью, шоска по чемъ-шо лучшемъ, — выраженные непонятно и наполненныя безъ разбору словами, схваченными у шого, или другаго изъ любимыхъ Поэшовъ. слибы вздумали сосшавишь Лексиконъ сихъ словъ, шо вѣрно бы онъ послужилъ съ такоюжь пользою нашимъ временнымъ Стихотворцамъ, какъ Лексиконъ риэмъ Французскимъ Поэтамъ на подрядъ.

То, что намъ нравилось, что насъ

восхищало въ одномъ Поэпѣ, — спано-
 вишся припорно и наскучиваетъ намъ,
 вспрѣчаясь слишкомъ часпо и у многихъ.
 Очарованіе новости исчезло — и холод-
 ный разсудокъ, насильспвенно вспуая
 въ права свои, лукаво замѣчаетъ недо-
 статки шамъ, гдѣ воображеніе на пер-
 выхъ порахъ насъ обольспило и увлекло
 за собою. Новость есть неразлучная по-
 друга воображенія: безъ нее воображеніе
 помился и засынаетъ.

Я почти увѣренъ, что раздражатель-
 ное самолюбіе или лукавая злоязычность,
 будущъ искашь въ сихъ чертахъ сходспвъ
 и примѣненій. Опвѣчаю имъ напередъ,
 что они здѣсь напрасно разсперяюпся въ
 догадкахъ. Я говорилъ вообще: говорилъ о
 духѣ и свойспвахъ большей часпи но-
 вѣйшихъ Спихопвореній, писанныхъ и
 напечатанныхъ на Рускомъ языкѣ. Оп-
 давая нелесспную дань удивленія и бла-
 годарности шаланшамъ испиннымъ, я хо-
 шѣлъ только замѣшпшь, какъ часпо о-
 шпбаюпся ихъ подражатели, соспавляя
 себѣ ложное понятіе о *Поэзш Романти-
 ческой*. Вмѣспѣ съ симъ, намѣреніе мое

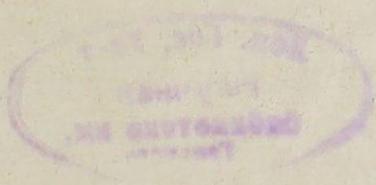
было показать, что народу Рускому, слав-
 ному воинскими и гражданскими добродѣ-
 шелями, грозному силою и великодушному
 въ побѣдахъ, населяющему Царство об-
 ширнѣйшее въ мірѣ, богатое природою и
 воспоминаніями,—необходимо имѣть свою
 народную *Поэзію*, неподражательную и
 независимую отъ преданій гуждыхъ. Герои
 Рускіе утвердили славу Опчины на по-
 ляхъ брани, мужи твердаго духа ознаме-
 новали ея Лѣтописи доблестями граждан-
 скими; пусть же Пѣвцы Рускіе спанутъ
 на чредѣ великихъ Пѣвцовъ древности и
 время позднѣйшихъ незаинтересованными,
 новыми красками *Поэзіи*! Пусть въ ихъ
 пѣсняхъ высокихъ освѣчиваются, какъ
 въ числѣ пошохъ, духъ народа и свой-
 ства языка богатаго и великолѣпнаго,
 способнаго въ самыхъ звукахъ переда-
 вать и грома побѣдные, и бореи спл-
 хій, и пылкіе порывы спраспей необуз-
 данныхъ, и молчаливое помленіе любви
 безнадежной, и клики радости, и уны-
 лые опзывы скорби.

The following information is being furnished to you for your information only. It is not intended to be used for any other purpose. The information is being furnished to you for your information only. It is not intended to be used for any other purpose. The information is being furnished to you for your information only. It is not intended to be used for any other purpose.

1967

[46p]

С 1767

